

**Военные
Приключения**

ФАЛЬШИВЫЙ ТАЛИСМАН

РОСТИСЛАВ САМБУК

СМЕРШ

Ростислав Самбук

Фальшивый талисман (сборник)

«ВЕЧЕ»

1984

Самбук Р. Ф.

Фальшивый талисман (сборник) / Р. Ф. Самбук — «ВЕЧЕ»,
1984 — (СМЕРШ)

ISBN 978-5-4484-7138-4

Гитлеровские войска терпят на фронте одно поражение за другим, и Главное управление имперской безопасности затевает операцию, которая, как там считают, кардинально изменит ход войны. Специально подготовленный агент должен быть заброшен в советский тыл, чтобы совершить покушение на высшее руководство СССР. Но на пути у врага встают контрразведчики Смерша... Журналист Карл Хаген узнает, что его отцом был нацистский преступник Фриц Ангел, одновременно к нему в руки попадают документы, в которых зашифрована одна из тайн сокровищ Третьего рейха... Широко известные произведения одного из признанных мастеров остросюжетной литературы.

ISBN 978-5-4484-7138-4

© Самбук Р. Ф., 1984

© ВЕЧЕ, 1984

Содержание

Фальшивый талисман	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	31
Глава 6	34
Глава 7	40
Глава 8	43
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ростислав Самбук

Фальшивый талисман

© Самбук Р. Ф., наследники, 2017

© Захорошко И., перевод с украинского, 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2018

* * *

Фальшивый талисман

Глава 1

– Хотите чаю? – спросил Рубцов и, не дожидаясь согласия, открыл дверь и приказал адъютанту: – Два стакана чаю, Володя, только покрепче. И к чаю чего-нибудь, печенья, что ли... – Подошел к закрытой черным репсом карте на стене, раздвинул шторы, постоял, всматриваясь, будто не знал наизусть всех обозначений на ней. Резко повернулся к Воловику, сказал, глядя прямо в глаза полковнику: – Седой сообщает, что немцы готовят какую-то важную операцию. Строго засекреченную, даже Седому не удалось разузнать ничего конкретного. Высадка шпионско-диверсионной группы в районе Сарны, Ковель. Это все, что нам известно. Маловато.

Воловик чуть шевельнулся на неудобном стуле с гнутой спинкой. Подумал: почему такие стулья называют венскими? Наверно, не потому, что их придумали венские мастера, у тех небось была голова на плечах, а ее определенно не хватало человеку, впервые создавшему эту жесткую уродину, на которой и несколько минут усидеть трудно. Особенно человеку с застарелым радикулитом. Ответил четко и сухо:

– Не так уж и мало, Василий Семенович. Сегодня суббота, а высадка планируется на той неделе. У нас есть по крайней мере два дня, чтобы подготовиться. Брать группу придется Карему, опыта ему не занимать...

– Брать? – с сомнением переспросил Рубцов. – Брать-то Карему, но леса... Здесь такие леса... – Снова повернулся к карте, словно хотел там найти ответ на не дававший покоя вопрос. Так и не найдя его, вынул из сейфа другую карту с цифровыми обозначениями по обе стороны от линии фронта – святая святых фронтового управления контрразведки. К этой карте имели доступ только несколько человек: фактически он, генерал Рубцов, и его заместитель полковник Воловик, ну, еще два-три представителя командования – и все.

Рубцов разложил карту на столе, разгладил ее ладонью, ткнул пальцем в синий треугольник на довольно далеком расстоянии от линии фронта и предложил:

– Может, послать к Седому специального связного? С рацией?

Полковник покачал головой:

– А что это даст? Если бы Седой узнал что-нибудь конкретное, успел бы сообщить. Связь с партизанами у него надежная – информация, которую он передает, поступает к нам, как правило, на следующие сутки.

Генерал сидел, разглядывал карту и думал. Как всегда, изучение карты доставляло ему удовольствие и успокаивало. Все словно на ладони. Кружками обозначены места расположения разведывательных и карательных органов врага. В общем, для всего есть свои обозначения: шпионско-диверсионные школы, конспиративные квартиры, пункты переправы, маршруты проникновения гитлеровских шпионов в расположение наших войск, места выброски парашютистов...

Однако сейчас особый случай, что-то задумали в «Цеппелине», возможно, даже не там, а в столице рейха, стало быть, вряд ли будут пользоваться старыми каналами, придумают что-нибудь новое, и большая удача, что дошла хоть такая информация Седого.

В дверь постучали, и Рубцов прикрыл карту. Адъютант принес на подносе два стакана чаю, сахар и печенье в вазочке.

Генерал взглянул и удовлетворенно потер руки:

– Удивительно – с лимоном... И где ты достаем все это, Володя? – Спросил просто так, для порядка, не надеясь на ответ.

Адъютант только улыбнулся: у каждого свои секреты, не открывать же их начальству... Он вышел, оставив в кабинете запах дешевого одеколона. Генерал оторвался от чая, повел носом и произнес:

– Ну и пройдоха этот Володька! Только скажи, все будет...

– Так я свяжусь с Карим, – предложил Воловик.

– Срочно! – приказал генерал. – Поисковые группы направьте в район Сарны – Ковель. Посты оповещения не должны и муху пропустить. Поддерживать связь с местным активом, докладывать о каждом подозрительном человеке. Да что вам говорить, Иван Филиппович, сами все знаете...

– Я передам Седому, – предложил Воловик, – пусть отложит все и сосредоточит внимание именно на этой операции.

– Да, – согласился Рубцов, – это его первоочередное задание. Хотя, – наморщил лоб, – вдруг немцы забросят группу уже послезавтра, а пока сработает наш канал связи...

– Все равно, – не согласился Воловик, – может случиться и так, что нам не удастся уничтожить шпионов, и они вернутся назад. Если это будут диверсанты, сами узнаем, зачем их посылали, но, кажется мне, пахнет другим. Диверсантов забрасывают часто, и, как правило, они попадают к нам в руки, но вот так засекретить, что даже Седой не мог ничего узнать!..

– Да, перед Седым они не таятся, – кивнул Рубцов. – Седого они уже считают своим.

Даже в беседах с глазу на глаз Рубцов с Воловиком давно уже отвыкли называть Седого его настоящим именем – таким законспирированным и ценным разведчиком тот был. Пехотный лейтенант, который чем-то понравился Рубцову года два назад. Именно тогда у генерала родилась идея послать его в тыл врага с заданием попасть в поле зрения абвера и стать немецким агентом. Так в конце концов и произошло.

– Итак, решили! – произнес Рубцов твердо. – Свяжитесь с Карим, может, ему потребуется помощь... Подбросим кого-нибудь из фронтового резерва. Где-то в этих лесах базируются большая бандеровская банда. Возможно, именно на нее ориентируются господа из «Цепелина».

– Это только усложнит нашу задачу, – мрачно ответил Воловик.

Генерал погладил большим пальцем левой руки нижнюю губу. Произнес задумчиво:

– Все зависит от того, что хотят немцы. И группа, наверное, неординарная, а особая.

– Давно абвер не задавал нам таких загадок.

– Не абвер сейчас, а – тьфу ты, черт, и не выговоришь! – фронт-ауфклеругскоманда, кажется, так?

– Да. Канариса нет, нет и абвера. Теперь все – епархия Кальтенбруннера.

– Нам от этого не легче.

– Ох, не легче, Василий Семенович, – согласился Воловик и с трудом поднялся.

Глава 2

«Юнкерс» пошел на посадку, и начальник Главного управления имперской безопасности Эрнст Кальтенбруннер выглянул в окно. Ничего интересного. Леса с полянами, кое-где озерца и болота... Никаких признаков человеческого жилья, и никто никогда не подумал бы, что где-то здесь, среди этих лесов и озер, расположилась ставка фюрера «Вольфшанце», где принимаются важнейшие решения рейха.

Обергруппенфюрер удовлетворенно хмыкнул. Даже он, точно зная, что пролетает сейчас над «Вольфшанце», ничего не заметил, это свидетельствовало о безупречной работе служб РСХА, значит, его, Эрнста Кальтенбруннера. Что ж, в конце концов так и есть: у них все отшлифовано и отлажено, машина, так сказать, работает безотказно, и, если бы не бездарность фронтового командования, можно было бы сказать, что в Третьем рейхе все отлично – жизнь строго регламентирована, каждый знает, что ему надлежит делать, нежелательные элементы и красные бунтовщики уничтожены, последние доживают свой век в концлагерях, вся страна славит фюрера.

На вытянутом жестком, всегда мрачном лице Кальтенбруннера появилось подобие улыбки: приятно, когда народ так славит своего фюрера, значит, верит ему и беспрекословно подчиняется.

Еще бы, попробовал бы не подчиниться! Кому-кому, а начальнику РСХА известно, что ни в одном государстве мира нет такого карательного аппарата, как в Третьем рейхе. Под его руководством гестапо, СД, криминальная полиция. И стоит ему только пошевелить пальцем...

«Юнкерс» приземлился. Кальтенбруннер с удовольствием спустился по трапу на землю. Увидев, как спешат к нему люди в черном, сделал шаг навстречу и выбросил вперед руку, отвечая на приветствия. Хорошее настроение не покидало обергруппенфюрера, он даже улыбнулся и двинулся вдоль бетонной полосы, ощущая, как пружинят мускулы. Пахло хвоей, Кальтенбруннеру понравился этот запах, он жадно вдохнул воздух и оглянулся.

Начальник охраны ставки, правильно поняв Кальтенбруннера, ускорил шаг и поравнялся с ним.

– Как? – коротко спросил обергруппенфюрер.

Начальник охраны сразу сообразил, что интересуется прибывшего. Ответил уверенно:

– Все в порядке, обергруппенфюрер, настроение заметно улучшилось, и фюрер даже вернулся к своим картинам.

Кальтенбруннер еле удержался, чтобы не пожать плечами. В принципе он не одобрял этого увлечения. Рисовать? Фюреру? Пусть бы уж просто собирал картины, как Геринг, это можно было бы понять: хорошие картины стоят бешеных денег. Но сидеть самому с кистью?..

Машина ждала обергруппенфюрера под густыми соснами, и начальник охраны услужливо открыл дверцу перед ним. На переднем сиденье расположился адъютант. Машина тронулась медленно, хотя могла за несколько секунд набрать сто километров. Но здесь негде было разогнаться – вон уже впереди первый шлагбаум и черные фигуры с автоматами преграждают путь.

Несомненно, унтерштурмфюреру, подошедшему к машине, было известно, кто именно едет в ней, кроме того, он не мог не узнать начальника Главного управления имперской безопасности, но тщательно, как и полагалось по инструкции, проверил документы, только после этого вытянулся и приказал поднять шлагбаум.

«Молодец унтерштурмфюрер, именно на таких держится могущество рейха. Чем добросовестнее каждый будет выполнять свои обязанности, тем мощнее станет государство», – подумал Кальтенбруннер.

Возле второго шлагбаума машина съехала на обочину: дальше нужно было идти пешком. И здесь у них проверили документы – еще тщательнее, и гауптштурмфюрер СС предложил Кальтенбруннеру сдать личное оружие.

Начальник РСХА спокойно вытащил из кобуры никелированный офицерский вальтер. Обергруппенфюрер сам установил такой порядок, подписав приказ, в котором никому не делалось исключения, и он безжалостно отправил бы этого подтянутого гауптштурмфюрера на фронт, если бы тот нарушил инструкцию.

- Фюрер ждет вас, – доложил начальник охраны.
- Где? – не поворачивая головы, спросил Кальтенбруннер.
- Прямо по аллее, первый поворот налево.

Кальтенбруннер двинулся, с удовольствием ощущая, как вдавливаются гравий дорожки под его начищенными сапогами. Пройдя немного, внимательно осмотрел мундир, обнаружил на рукаве пушинку и с брезгливостью смахнул ее: фюрер должен видеть своих офицеров безупречными, всегда подтянутыми и внутренне собранными – никакого неряшества и расслабленности.

Гитлер сидел на боковой дорожке, точнее, немного в стороне от нее. На траве стояли мольберт и два стула, на одном из них фюрер разложил краски, на другом примостился сам – углубился в работу и не сразу услышал тихие шаги Кальтенбруннера.

Начальник РСХА шел почти на цыпочках – в конце концов такое приходилось видеть крайне редко: фюрер в экстазе. Когда до мольберта оставалось несколько шагов, Гитлер встрепенулся и резко повернул голову. Кальтенбруннер успел заметить на его лице испуг, а может, это только показалось ему, ибо фюрер улыбнулся и сделал знак приблизиться.

Кальтенбруннер вытянулся и поднял руку, но Гитлер кивнул ему и снова уткнулся в свою картину. Обергруппенфюрер невольно взглянул на нее – дорожка и кусты на переднем плане, ядовито-зеленые, совсем не такие, что растут на самом деле, а на фоне желтоватого неба синяя сосна и фиолетовые тучи над ней.

– Я рад видеть вас, Эрнест, – сказал Гитлер, не поворачивая головы. Наконец вздохнув, отложил кисть и поднялся: – Нравится?

- Очень! – вырвалось у Кальтенбруннера вполне искренне, и Гитлер весело засмеялся.
- А мне не очень!

– Ну что вы, мой фюрер, я бы с удовольствием повесил вашу картину в своей гостиной. – Вот и представился случай и польстить самолюбию фюрера, и невзначай попросить у него картину.

- Она еще не закончена.
- Но когда будет...
- Надеюсь. Я пришлю картину вам, Эрнест, если и впрямь когда-нибудь закончу ее.
- Лучшего подарка у меня никогда не будет.

– Я верю вам, Эрнест. – Гитлер хитро улыбнулся, перевел взгляд на акварель, долго всматривался в нее, наконец, снова посмотрел на обергруппенфюрера и добавил: – Я верю вам, поскольку вы абсолютно не разбираетесь в живописи.

Фюрер взял кисть, что-то подправил на картине, встал и положил руку на плечо Кальтенбруннера:

- Давайте немного походим, Эрнест, а то я засиделся, а врачи рекомендуют прогулки.

Он двинулся по аллее, потягивая левую ногу, ковылял, заложив руки за спину, и казалось, совсем забыл о начальнике имперской безопасности. Но это только так казалось – вдруг неожиданно остановился и впился в обергруппенфюрера пристальным взглядом:

- Докладывайте, Эрнест! Выявили новых участников заговора?
- Конечно, мой фюрер.
- Кто?

– Мелочь, не стоит вашего внимания.

– В этом деле нет мелочей.

– Я знаю, и в первые дни мы взяли всех главных участников заговора.

– Боже мой, Штауффенберг! – воскликнул Гитлер. – Герой войны, которому я верил, как самому себе! – Внезапно лицо его перекосилось, стало каким-то кислым. – Не могу простить, что его расстреляли...

– Штауффенберг не попал в наши руки. С ним расправились армейские офицеры.

– Чтобы замести следы.

– Мой фюрер, вы, как всегда, правы.

– Вы бы подвесили этого одноглазого полковника на крюк за ребро! – злорадно потер руки Гитлер. – Вы вытянули бы из него все их секреты... – Вдруг перешел на фальцет: – Потом вы подцепили бы его на тот же крюк за горло, как простого барана! Он подышал бы долго и в муках, а так он не успел даже осознать смерть!

– Зато другие хорошо осознали ее, – счел возможным возразить Кальтенбруннер.

– Я ценю это, Эрнест, и никогда не забуду вашей преданности.

В таких случаях надлежало вытянуться и торжественно воскликнуть «хайль», но Кальтенбруннер ответил просто:

– Благодарю, мой фюрер.

– Как Канарис?

– Так, как вы и хотели, мой фюрер. Камера – голый бетон, без койки и нар, хлеб и вода. Я приказал допросить его, – улыбнулся злорадно, – первая категория допроса. Это только цветочки, мой фюрер.

– Он должен жить! – Гитлер остановился и вперился в Кальтенбруннера холодными глазами. – Он должен жить, пока я сам не посмотрю на него, вам ясно, Эрнест? Пока я сам не увижу страха на лице этой грязной свиньи! Это он виновен в наших поражениях, проклятый шпион и предатель! Я никогда не прощу ему, я хочу увидеть, как он будет медленно умирать и просить пощады, но никогда ее не дожидается, никогда! – Гитлер произнес все это единым духом, уставясь на Кальтенбруннера.

Обергруппенфюреру на мгновение стало жутко, будто это он очутился на месте Канариса, мороз пробежал по коже. Кальтенбруннер пожал плечами, отвел глаза и подтвердил:

– Никогда!

– Но вы ведь не для того прилетели из Берлина, чтобы рассказать мне о самочувствии Канариса? – вдруг улыбнулся Гитлер. – Я слушаю вас, Эрнест, внимательно слушаю, разговоры с вами всегда приносят мне удовольствие. Кроме тех редких случаев, когда у вас неприятные известия.

– На этот раз неприятностей нет.

– Итак, у вас появилась какая-то идея, Эрнест? – сразу оживился Гитлер.

– Да. – Кальтенбруннер решил не говорить, что идея, собственно, принадлежит не ему, а возникла у никому не известного гауптштурмфюрера из «Цеппелина».

Гауптштурмфюрер получит свое: очередное звание и крест – разве этого мало? Возможно, когда-нибудь его имя станет известно самому фюреру – все возможно в этом мире, но всему свое время, – а пока, в трудные для рейха дни, фюрер должен знать, что Главное управление имперской безопасности не спит и что можно положиться на Кальтенбруннера.

Гитлер остановился. Стоял, заложив правую руку за спину, перекатываясь с носков на пятки, и заинтересованно смотрел на Кальтенбруннера.

– Ну говорите же! – сказал нетерпеливо.

– Есть возможность произвести диверсию, от которой содрогнется весь мир! – не без пафоса ответил обергруппенфюрер.

Водянистые глаза Гитлера ожили.

– Уточните! – приказал.

– Диверсия против Верховного командования русских.

Гитлер даже потянулся к обергруппенфюреру, поднялся на носках и опять положил руку на его плечо.

– Неужели?! – воскликнул взволнованно. – Неужели вы в самом деле способны на это, Эрнест?

– Думаю, что да.

Гитлер опустил с носков, сгорбился и махнул рукой.

– Вы способны только обещать... – произнес разочарованно. – Вы обещали мне Тегеран, Эрнест, а что из этого получилось?

Кальтенбруннер ждал такого вопроса и заранее подготовился к нему.

– Там действовали люди Канариса, – ответил твердо. – Русским удалось пронюхать о нашей акции и принять меры. В Тегеране не обошлось без предателя, мой фюрер.

– Что же вы предлагаете сейчас?

– Мы забросим в советский тыл человека с уникальными документами, русские обожают своих героев. У нашего человека будет новейшее оружие, а также взрывчатка...

Гримаса недовольства скривила лицо Гитлера.

– Это только у нас кто-то может безнаказанно носить в портфеле бомбы, русские не настолько глупы, Эрнест, и ваша идея...

– Конечно, мой фюрер, – попробовал вмешаться Кальтенбруннер, – вы, как всегда, правы, но...

– Никаких «но», Эрнест! Вы знаете, какая охрана у Сталина?

– Самую лучшую в мире охрану имеете вы, мой фюрер.

Гитлер пошаркал по гравии дорожки ногой, пострадавшей во время взрыва, и Кальтенбруннер сразу понял намек.

– Такое больше не повторится, проклятые военные, сейчас они поджали хвосты!

– Думаю, что у русского Верховного командования охрана не хуже и ваши проекты, дорогой Эрнест, не стоят мыльного пузыря.

– Однако мы привлекли самых лучших специалистов рейха. Создано принципиально новое оружие – такого еще не видел мир, – в умелых руках оно безотказно, и мы надеемся на полный успех операции.

– Новое оружие? – заинтересовался Гитлер.

– Принцип «фау», мой фюрер. Снаряд кумулятивного действия, пробивающий почти пятисантиметровую броню. И все устройство помещается в рукаве пиджака.

– В рукаве? – не поверил Гитлер. Поднял правую руку, вытянул ее и даже пощупал. – И пятисантиметровая броня?

– Да.

– Так что же вы тянете, Эрнест? Почему я должен ждать? Почему должен ждать весь рейх? Злейшие наши враги делают что хотят, скоро их солдаты войдут в Польшу...

– Вот мы и предлагаем, мой фюрер...

– Я принимаю ваше предложение, Эрнест. Вы знаете, какой резонанс приобретет такая диверсия!

– Вам всегда виднее. – Кальтенбруннер почтительно склонил голову, но Гитлер, наверное, уже не видел его. Выкрикивал, слегка подавшись вперед, и сам, должно быть, не слышал своих слов:

– Акция против Сталина посеет среди русских панику! А знаете, что такое паника во время войны? Поражение. Мы остановим красных, остановим! Мои генералы, надеюсь, будут чего-нибудь стоять. Но вы не представляете себе, Эрнест, еще одного аспекта этой акции. Ссоры между союзниками, развал коалиции... Черчилль, этот старый лис Альбиона, давно

ищет повод, и мы дадим его. Что вам требуется, обергруппенфюрер, для осуществления этого плана государственного значения?

– Ваше согласие, мой фюрер.

– Вы его уже получили. Еще?

– Я хотел только предупредить, что тщательная подготовка акции будет стоить...

– У вас нет денег? Кто-нибудь ограничивает?

– Нет, но...

– Никаких «но». Во что бы это ни обошлось, конечный результат стоит того.

– Сегодня я еще раз убедился в этом.

Гитлер повернулся и поплелся назад, к мольберту.

– Вы хорошо продумали операцию? – спросил, не останавливаясь.

– Сейчас ее обстоятельно отрабатывают.

– Строжайшая конспирация, – предупредил Гитлер как-то утомленно: взрыв эмоций не прошел бесследно. – Крайне ограниченное число лиц должно знать о подлинной цели. Даже Геринг...

– Да, мой фюрер, даже Геринг ничего не будет знать. Кроме вас и непосредственных участников акции в курсе дела будут двое или трое.

– Кто они?

– Скорцени, мой фюрер, и еще...

– Это уже в вашей компетенции, Эрнест.

Они подошли к мольберту, и Гитлер устало опустился на стул. Сказал спокойно:

– Пусть вам повезет, Эрнест. Знайте только, акция должна осуществиться во что бы то ни стало!

– Я понял вас, мой фюрер.

Гитлер взял кисть, долго вглядывался в картину и наконец сделал небрежный мазок.

– Думается, так будет лучше, – сказал, будто и не было только что разговора о диверсии и единственное, что тревожит его, – цвет неба на картине. – Я подарю вам, Эрнест, именно эту акварель, если, конечно, получится. С благодарностью за радость, которую вы принесли мне сегодня. Вы спешите, обергруппенфюрер?

– Да. – Кальтенбруннер щелкнул каблуками. – До встречи, мой фюрер. Хайль! – Повернулся и пошел не оглядываясь, и только гравий монотонно шуршал под тяжелыми шагами.

Глава 3

Куренной Сорока, сидя на бревне, ждал, пока хлопцы готовили все для купания. Сбросил рубашку, вытянул ноги в кальсонах, подставив спину солнцу, наслаждался теплом и покоем.

Хлопцы грели воду в котле и ведрах на летней печке, сооруженной посреди двора под деревянным навесом. Семен, усатый и пожилой дядька, попробовал воду рукой.

– Подождите, друг куренной, еще минуту, – сказал Семен.

В самом деле, куда спешить?

Семен вытащил из колодца ведро воды. Вылил в большое корыто, еще раз попробовал воду в котле, удовлетворенно хмыкнул. Дал знак помощнику, тот подхватил котел с другой стороны, и они вместе вылили в корыто воду, аккуратно, чтобы не расплескалась. Семен подержал руку в воде, долил холодной и заметил:

– А сейчас прошу пана куренного, и купаться вкусно будет.

Сорока стал медленно снимать кальсоны. Думал: надежный хлоп этот Семен, вон какие красивые слова нашел – вкусно купаться...

Семен вылил на него полведра теплой воды – куренной намылил голову, смыл мыло и погрузился в корыто, с наслаждением ощущая, каким невесомым становится тело.

Потом куренной поднялся, молодой хлопец принес полное ведро теплой воды и вылил на Сороку осторожно, словно это был не куренной, а сам Бандера. Да в конце концов кто для хлопца Бандера? Для него Сорока выше не только Бандеры, а самого Господа Бога, потому что пан куренной может миловать и карать сегодня, сейчас и все в конечном итоге зависит от его настроения.

А настроение у Сороки после купания заметно улучшилось.

– Ну как мы вас освятили, друг куренной? – спросил Семей, подавая льняной рушник.

– Хорошо, – с наслаждением ответил Сорока. – Ты, Семен, во всем мастак.

Куренной надевал чистое белье не торопясь, уже ощущая вкус борща и первой чарки. Отменный борщ варит хозяйка, от такого борща никуда не уехал бы, но, к сожалению, жизнь стала беспокойной. И кто может сказать, где они будут завтра?

Это сегодня – купание и вкусный борщ на богом забытом хуторе, а завтра сюда могут прийти большевики, и надо будет пробираться болотами и чащей к другому безопасному месту, возможно, отсиживаться в схронах – полная лишений и тревог жизнь. Одно успокаивает – красным сейчас не до них. Немцы вон еще как сражаются! Впереди Польша, и, по сведениям оуновцев, именно там вермахт готовится дать решительный бой русским и наконец остановить их.

«Скорее бы, господи! – ежевечерне молился Сорока. – Такая чудесная жизнь была при немцах! Сидели спокойно в селах и хуторах, иногда устраивая вылазки против поляков и большевиков. Сытая и беззаботная жизнь с самогоном и девушками... Так бы и доживать».

Ради этой сытой и спокойной жизни хитрый почтарь Филипп Иосифович Басанюк и подался в ОУН.

Что за жизнь на почте? Полуголодная, суетливая, каждый тобой помыкает, у каждого претензии, жалобы – тьфу господи боже ты мой, – а дослужиться можно разве что до начальника почты. А ОУН – это организация, и, если правильно вести себя, кланяться начальству и чувствовать, откуда ветер дует, можно взлететь высоко. Вот он уже куренной – чин не очень-то большой, но и не маленький, и, если бы не проклятые большевики, жить бы да жить.

На веранде аппетитно запахло борщом, Сорока покосился туда и увидел, что хозяйка вынесла большую кастрюлю. И хозяин уже ждал его: сидел, откинувшись на спинку стула, и тихонько постукивал деревянной ложкой по краю стола. Солидный и неторопливый человек,

ему здесь, на лесном хуторе, принадлежало, собственно, все: половина земли, магазинчик, даже лодки и сети – за лесом начиналось большое озеро, и рыбу здесь имели всегда.

Куренной поднялся на веранду не спеша, сел напротив хозяина, и тот сразу, не ожидая согласия, потянулся к бутылке. Выпили.

И нужно же, чтобы именно в это время...

Только куренной нацелился на жирный кусок свинины, как увидел над кустами черной смородины зеленую шляпу сотника Мухи. Прибытие сотника не предвещало ничего хорошего. Сорока положил ложку, схватился за поясницу и сморщился.

– Что с вами, пан куренной? – испугался хозяин.

Сорока жил у него меньше месяца, и хозяин не успел еще изучить все его привычки. Да и откуда он мог знать, что пана куренного, когда надо действовать или принимать решения, всегда почему-то схватывает радикулит – чудесная болезнь, если ею правильно пользоваться. Может, сотник Муха и не принес ничего неприятного, что ж, тогда боль пройдет, тем более что пан куренной давно жалуется на эту болезнь.

На веранде появился Муха. Не сняв своей мерзкой шляпы, он пролез прямо к столу, сел и только после этого поздоровался.

Куренной подумал: правильно говорят – из хама никогда не будет пана. У этого быдла было двадцать моргов земли, что совсем немало для лесного края, но Муха всегда приbedнялся: вон пиджак какой замызганный и рубашка перепрела.

Наконец сотник снял шляпу, налил себе полный стакан и, пожелав уважаемому обществу доброго здоровья, выпил и со вкусом чмокнул губами. Закусил и только после этого обратил внимание, что куренной схватился за поясницу.

– Радикулит? – спросил с иронией.

– Приступ, – ответил Сорока, глядя преданно в глаза Мухе.

– Есть новости, друг куренной...

Хозяин деликатно встал:

– Извините, панство, я на минутку...

Муха посмотрел ему вслед безразлично и достал из-под грязной подкладки шляпы аккуратно свернутую бумагу:

– Приказ, друг куренной.

Сорока опять схватился за поясницу. Приказ – это плохо. Приказ никогда не приносит ничего радостного. Скорчился на стуле и сказал:

– Позови Юрка, сотник, приказ, наверно, зашифрованный?

– Да, друг куренной. – Муха развернул бумагу, подал Сороке.

Тот посмотрел на нее отчужденно. Тогда сотник встал, вышел на крыльцо веранды и приказал Семену, который торчал неподалеку:

– Юрка сюда!

Стоял широко расставив ноги, высокий, жилистый. Самогон ударил в голову, Муха почувствовал себя сейчас большим, сильным, не то что какой-то рыхлый куренной с огромным животом. И за что только начальство любит и уважает его?! За что?!

Сотник не знал, что почти половину награбленных ценностей куренной передавал оуновским вожакам – то одного умаслит, то другого, на всех, правда, не наберешься, но даже нерегулярные подношения делали свое дело, и Сорока медленно, но поднимался по служебной лестнице.

Сорока посмотрел на Муху осуждающе: в самом деле, быдло неотесанное! Нет, чтобы произнести тост в честь начальства! Ну разве трудно тебе, а куренному приятно, и он запомнил бы это. Но подумал: что ему сотник и какой-то там приказ? Вряд ли требуют решительных действий. Во-первых, их курень только называется куренем: и сотни бойцов не наберется, у сотников под рукой по два десятка хлопцев. Оружие, правда, есть, нечего бога гневить, немцы

им оружие оставили – шмайсеры и ручные пулеметы, есть даже миномет, но зачем миномет в их лесах, тут не разгуляешься. Пистолет да автомат надежнее.

От мысли об оружии Сороке стало немного легче на сердце, и он не так уже недовольно посмотрел на Муху. Они успели выпить с сотником еще по полстакана, когда наконец явился Юрко. Куренной показал на депешу, лежащую на столе. Сотник налил чарку и подал хлопцу, но Юрко отказался. Впрочем, Муха и не настаивал: все знали, что Гимназист (а Юрко получил это прозвище, поскольку закончил гимназию) не употребляет самогона.

Юрко колдовал над приказом недолго. Переписал текст карандашом на чистый лист бумаги и подал куренному. Тот отмахнулся:

– Читай, я без очков...

Юрко прочитал медленно и выразительно:

– «Куренному Сороке. Приказываем вам с десятью стрелками двадцатого августа прибыть на известную вам явку в селе Квасово. Передвигаться, избегая столкновений. На явке ждать людей с нашей стороны. Пароль: “Сегодня в лесу жарко”. Отзыв: “Слава богу, погода, кажется, установилась”. Оказать агентам всестороннюю помощь, обеспечить охрану и прикрытие. На время выполнения задания будете подчиняться руководителю группы. За исполнение приказа строго отвечаете. Главный».

Сорока чуть шевельнулся в кресле. Как повезло, что он издалека заметил, зеленую шляпу и успел схватиться за поясицу! Не хватало ему ползти болотами в Квасово – как-никак добрая сотня верст, – да еще подчиняться неизвестному агенту. Наверное, важные птицы, если их требуется прикрывать и охранять. И награда, стало быть, будет. Но черт с ней, с наградой, всех наград не получишь, а жизнь, как известно, одна.

Сорока сказал с достоинством:

– Жаль, но что поделаешь, не могу возглавить операцию. Радикулит проклятый. А задание почетное и важное! Считаю, что вы, друг сотник, справитесь с ним.

– Я?... – даже открыл рот от удивления Муха. – Вы же послали меня в Гадячий...

– Э-э, что Гадячий... – небрежно отмахнулся Сорока. – Там любой справится. А тут задание ответственное, и нужны лучшие люди. Я бы сказал, самые лучшие, и кому, кроме вас, сотник, можно доверить такое? Пойдете вы с Юрком, еще десять бойцов, отберете их сами, сотник, вам с ними идти, вам на них опираться.

Муха уже понял, какую свинью подложил ему куренной. Попробовал возразить:

– Но, прошу пана, я давно не был в Квасове, в тех лесах. А каждый день все меняется...

– Леса! – беспечно засмеялся Сорока. – Леса везде одинаковы... А явка в Квасове надежная. Бывший мельник из Грабово, возможно, вы и знали его? Петр Семешок! Золото, не человек, у него – как у Христа за пазухой.

– Хорошая пазуха, знаю я Семенюка, – буркнул Муха. – В гробу бы его видеть, этого мельника. Живоглот проклятый, лишнего куска хлеба не допросишься.

– Завтра на рассвете и выступайте! – уже строго приказал Сорока. – К двадцатому успеете, друг сотник, подберите стрелков и отдыхайте, а то дорога не такая уж легкая.

Сотник Муха вызвал Юрка на скотный двор. Внимательно огляделся, но никого поблизости не было, только две уже выдоенные коровы лениво жевали свежескошенную траву. Муха притянул к себе Юрка, дохнул самогонным перегаром так, что юношу замутило, спросил:

– Ты о приказе говорил кому-нибудь?

– Что вы, друг сотник, это же ясно – секрет.

– И вот что, Гимназист, чтобы твоя Катря...

Юрко перебил его решительно:

– Должен попрощаться!

– Скажешь, что идем в Ровно.

– Что?

– Никто не должен знать о Квасове.

Юрко пожал плечами, но согласился:

– Слушаюсь.

Парень перепрыгнул через жердь и направился за хутор, к стожаре. Свежее сено сюда еще не завезли, и стожара стояла пустой и казалась запущенной, совсем забытой, легкий ветер свистел в щелях, и плохо прибитая доска все время тихо постукивала. Стожара почему-то навевала на Юрка тоску. Может, потому, что придется проститься с Катрусей. Но в Квасове он наверняка не задержится: какую-нибудь неделю – и снова сюда, на лесной хутор.

Сразу за стожарой тихо журчал ручеек. Юрко перепрыгнул его, свистнул дроздом и тут же услышал ответ. Счастливый, опустил на траву. Так подавала голос только Катря.

Юноша растянулся на траве лицом вверх. Видел только синее небо с белыми облаками, на фоне которого раскачивался розовый колокольчик. Ему вдруг показалось, что он звонит. Юрко прислушался и, кажется, услышал мелодичный серебряный звон, звучащий на лесной поляне в ясный прозрачный день, – этот звон может услышать только самый счастливый человек.

Катря растянулась рядом,дохнула Юрку в ухо, засмеялась звонко и громко, но парень настороженно поднял руку.

– Слышишь?.. Колокольчик... – Юрко дотронулся до цветка, и он зазвенел вдруг торжественно.

Этот звон Катря не могла не услышать, девушка сразу поняла это и только положила в знак согласия ладонь на его щеку.

– А ты грустный, – вдруг сказала Катря и вопросительно посмотрела Юрку в глаза.

– Правда?.. Завтра утром уходим...

– Не смей! – вскрикнула она. – Никуда не пойдешь! – Катря села и спросила уже серьезно: – Кто тебя у Сороки держит?

– Я сам.

– Так уж и сам. Вон люди хлеб убирают, а вы автоматами балуетесь.

– Не говори так, мы же за дело...

– За дело? А дело – это работа. Немцев погнали, а вы до сих пор по лесам бродите...

– Так за свободу ж... – Юрко посмотрел на Катрино покрасневшее от возбуждения лицо, увидел совсем-совсем рядом синие, синее неба, глаза и добавил неуверенно: – За народ мы...

– А отец в Подгайцах школу открывает, – будто между прочим сказала Катря, но Юрко понял подтекст ее слов.

– Чтобы детей учить большевистской науке?

– При немцах совсем ничему не учили. Твою гимназию когда закрыли?

– В сорок первом.

– Вот видишь! А ты в университет хотел. Во Львове скоро университет откроют.

– Может, и откроют, – согласился Юрко, но сделал вид, что это ему безразлично: даже закрыл глаза и стал покусывать какую-то травинку.

– А я поеду в Ковель.

– С ума сошла?

– Как видишь... – Девушка засмеялась будто бы беспечно, однако какое-то напряжение чувствовалось в ее смехе.

– Что ты не видела в Ковеле? – Юрко быстро поднялся, сел, положив руки на плечи Катре, и заглянул ей в глаза. – Что?

– Пойду в школу.

– А в Подгайцах?

– Здесь только семь классов, а я – в восьмой.

- Так над тобой же будут смеяться: семнадцать лет – в восьмой...
- Пусть смеются, все равно буду учиться. А потом во Львов...
- Катруся, – вдруг сказал Юрко жалобно, – и ты хочешь бросить меня?
- Давай вместе.
- Не могу, – покачал головой, – у меня долг.
- Отец говорил: кто из бандер добровольно сдается, большевики прощают.
- Так я и поверил...
- В Подгайцах на сельсовете воззвание...
- На сельсовете? – удивился Юрко. – Сорока им пропишет воззвание!
- Красные немцев добьют и за вас возьмутся.

Юрко безвольно махнул рукой. Честно говоря, он и сам так думал, но что поделаешь? Уйти от Сороки страшно: оуновцы лютуют, предателям, говорят, нет пощады.

Сидел насупившись, затем решительно вскочил, вытянулся и произнес:

– Ты, Катруся, подожди. – Протянул руку, привлек ее к себе – высокий, сильный, стройный. – Подожди неделю, я вернусь, и мы все решим.

Девушка положила руки ему на грудь, подняла глаза, обожгла голубизной, и Юрко утратил всю свою решительность. А она взлохматила ему русый чуб и тихо засмеялась.

- Глупый еще, – прошептала. – Надо решать: остаешься с Сорокой или со мной?
- С тобой, – сказал Юрко, – только с тобой.

Засмеялась счастливо и прижалась к парню.

– Ну не могу же я... – произнес просительно Юрко. – Ведь мы договорились, и я не хочу нарушать слово. Мужчина я или нет?!

– Куда идете?

Юрко забыл о наказе сотника, да и какие могут быть секреты от любимой?!

- В Квасово.
- Это где?
- Далеко, сто верст.
- Зачем? – посуровела Катря. – Я не хочу...
- Ты же знаешь, у меня руки чистые.
- Что за акция?

– Надо встретить кого-то... – неопределенно ответил Юрко. Подумал немного и добавил: – Если через неделю не вернусь, езжай в Ковель.

- А ты?
- От Квасова до Ковеля ближе.
- Отыщешь меня у тети. Песчаная улица, семь.
- Песчаная, семь, – повторил Юрко. – Через неделю жди меня.
- Буду ждать. – Катря грустно улыбнулась чему-то, но не выдержала, звонко рассмеялась

и понеслась по поляне к березовой роще. Юрко бежал за ней, видя, как мелькают ее загорелые ноги, развеивается на ветру красная ленточка. За березами началась позапрошлогонья, поросшая уже кустами гарь, а за ней поблескивало озеро. Сквозь камыш тянулась узкая песчаная полоса, на которой чернел старый, подгнивший челн. В нем поплескивала вода, но они столкнули его в озеро и, отталкиваясь шестом, поплыли вдоль прибрежных зарослей. За ними началось мелководье и песчаный берег. Катря, стыдливо поглядывая на Юрка, быстро разделась. Они купались и загорали, пока солнце не спустилось к горизонту, и только тогда двинулись к хутору, держась за руки, какие-то сникшие, встревоженные.

Глава 4

Майор Бобренок с удовольствием стянул сапоги и, пока Толкунов влезал на дерево, дал передохнуть ногам. Смотрел, как ловко поднимается по дубу капитан, наконец тот дотянулся до белого лоскута, снял его с острой сломанной ветки осторожно, словно это был не простой шелк, а мина замедленного действия. Толкунов сел верхом на толстенную ветку, разгладил кусок материи на колене и только после этого сказал:

– Он, голубчик... Настоящий немецкий парашютный шелк.

Бобренок ничем не выразил своей радости, хотя известие в самом деле было приятным. Стало быть, они не ошиблись, и первый след наконец обнаружен.

Майор заученно бросил взгляд на часы. Восемь часов тридцать четыре минуты. Посты противовоздушной обороны впервые засекли немецкий самолет в два часа ночи, а через шесть с половиной часов у них уже появилось первое подтверждение того, что самолет выбросил парашютистов. Неплохо, даже очень неплохо, иногда такой поиск затягивается на сутки, а то и больше.

Пока Толкунов спускался с дуба, Бобренок аккуратно перемотал портянки и обулся. Взял у капитана кусок шелка, внимательно разглядел:

– Парашют зацепился за сук, пришлось дергать. Вот и оборвали.

– Или оборвал, – уточнил Толкунов.

– Да, может, он был и один, – согласился Бобренок. – Во всяком случае, не повезло ему... – Огляделся вокруг. Действительно, если бы парашютист спустился на несколько метров в стороне от дуба, попал бы на полянку. На рассвете выбрал бы подходящее место, закопал парашют – и ищи его в этих лесах хоть целую неделю.

Но один ли парашютист? Немцы, как правило, забрасывают группы из трех – пяти человек. Диверсанты или шпионы со взрывчаткой, рацией, оружием... Правда, на этот раз мог быть и один. Полковник Карий говорил, что из разведывательных данных стало известно: немцы готовят какую-то важную акцию в зоне расположения тылов армии. Приблизительно на линии железной дороги Сарны – Маневичи – Ковель... Тут одному не справиться. Если, конечно, это диверсия. Шпиону тоже трудно одному – с рацией хватает хлопот. Хотя, может иметь явки, связных, оставленных здесь во время отступления.

Однако что бы ни было, их надо искать. Другого выхода нет – только искать. Осмотреть каждый квадратный метр вокруг, и не только вокруг – весь лес. Диверсанты не могут не оставить следов, должны ведь закопать где-нибудь парашюты...

Толкунов мрачно посмотрел на майора.

– Разойдемся? – предложил хмуро.

Бобренок не обратил внимания на угрюмость капитана: уже привык к тому, что Толкунов почти не смеется, да и вообще кто и когда видел улыбку на его лице? Таков уж характер у капитана, но он прекрасный разведчик, другого такого нет в контрразведке армии, а может, и всего фронта. Толкунову поручают сложнейшую работу, и он никогда не возражает – все сделает. Такая уж у них профессия – вылавливать немецких шпионов. Может, именно это и сформировало характер Толкунова? Пожалуй, нет. Вот Непейпиво – три года в контрразведке, из лейтенантов стал капитаном, на его счету полтора десятка диверсантов, а такой веселый, что позавидуешь, с широкого, усыпанного веснушками лица добродушная улыбка, кажется, и не сходит.

– Разойдемся, – согласился Бобренок и положил в сумку парашютный лоскут. Топнув правой ногой, проверил, хорошо ли обернул портянку, достал карту. – Ты возьмешь этот квадрат, – очертил на карте, – будем двигаться в направлении Жашковичей, встретимся, если ничего не случится, в одиннадцать на дороге – третий километр от Жашковичей.

Шел Толкунов устало, засунув пальцы за ремень, добротный, почти новый. Капитан добыл его вместе с портупеей у какого-то интенданта. Кобуру, правда, не сменил – повесил на новый ремень старую и потертую, с обыкновенным офицерским ТТ. Большинство разведчиков отдавало предпочтение наганам, но Толкунов не расставался со своим ТТ. С ним он пришел в Смерш – пехотный лейтенант, командир взвода, которого приметил полковник Карий.

Капитан уже исчез в кустах, и Бобренок медленно двинулся в обход поляны. Вряд ли здесь закопан парашют: трава и цветы нигде не примяты – майор сразу увидел бы следы человека на поляне.

Обойдя колючие кусты, Бобренок вышел к небольшому оврагу, дно которого заросло папоротником, а песчаные склоны – кустарником. Неплохое место для тайника. Майор двинулся по дну оврага, но ее обнаружил никаких следов и, только выбираясь наверх, заметил что-то беловатое. Бобренок остановился: неужели еще один парашютный лоскут? Приблизился к нему сверху, чтобы ничего не вытоптать вокруг.

На траве лежал кусок бинта, грязная марля, и кровавые пятна проступали на ней. Человек, пользовавшийся бинтом, нашел укромное место – трава низкая, будто скошенная, сидя на такой, не оставишь следа. Наверно, человек присел на бугорок, спустил ноги. И раненый... Майор понюхал повязку: еще не выветрился запах лекарства.

Бобренок спрятал бинт в сумку. Теперь надо найти следы. Сделал большой круг и ничего не заметил. Второй, третий – и наконец его настойчивость была вознаграждена: след четко просматривался в низине, поросшей мхом, – влажный грунт осел под ногами человека, обутого в сапоги, это майор знал сейчас абсолютно точно. Шел человек из леса на дорогу, поскольку метрах в трехстах пролегла проселочная дорога к большому селу Жашковичи. А из Жашковичей рукой подать до шоссе на Маневичи.

Вдруг Бобренок даже свистнул от неожиданности и опустился на колени прямо на сырой мох, забыв, что может запачкать совсем новые галифе. Правый след вырисовывался четче, был глубже левого чуть ли не на сантиметр, а это значило: человек хромает. Итак, мужчина ступал на левую ногу осторожно, перенося всю тяжесть тела на правую. Из этого следовало...

Майор почувствовал, как запыхался у него щеки. Да, из этого следовало, что человек поранил или вывихнул левую ногу: неудачно приземлился, парашют запутался в дубовых ветвях, диверсант обрезал стропы и упал. Могло так случиться? Какое это имеет значение, главное – надо искать хромого человека.

До одиннадцати оставался еще час. Бобренок дошел до проселка и, поняв, что хромой направился к Жашковичам, повернул назад. Наверное, диверсант еще до выхода на проселок спрятал парашют, и, может, удастся найти его.

Целый час майор шарил в кустах, осматривая укромные участки леса, однако сегодня фортуна уже отвернулась от него.

Он опоздал к условленному месту на пять минут. Толкунов уже поджидал его – сидел на обочине дороги и смотрел осуждающе: привык к точности и даже пятиминутное опоздание считал разгильдяйством.

Не обратив внимания на укоризненный взгляд Толкунова, Бобренок спросил:

– Ну что?

– Ничего, – мрачно ответил Толкунов. – Я обыскал каждую кочку, – ударил ребром ладони по колену, – и ничего. Проклятие какое-то...

Майор присел рядом, достал из сумки бинт и еще раз понюхал его и протянул Толкунову.

– Где? – сразу понял тот.

– Метрах в трехстах от дуба. Перевязывал ногу.

– Почему именно ногу?

Бобренок высказал свои предположения, и лицо капитана просветлело.

– Надо расспросить людей в Жашковичах, может, кто-нибудь видел хромого. – Толкунов встал легко, словно отдыхал не пять минут, а по меньшей мере час. – Пошли в село.

Бобренок внимательно наблюдал за дорогой, стараясь обнаружить знакомые следы, но безрезультатно. Совсем недавно в Жашковичи проехали возы с сеном, его клочья виднелись на обочине дороги.

Село показалось неожиданно, первая хата стояла среди леса, и только за ней деревья были выкорчеваны – там виднелись огороды. Крытая щепой, срубленная из старых, потемневших бревен, хата казалась меньше, чем была на самом деле, выглядела какой-то печальной, будто тосковала о чем-то. Крыльцо перекошилось, щепы на крыше замшела, калитка скривилась и стучала на ветру.

Может, если бы возле такого запущенного жилья росли яблони или цветы, оно казалось бы веселее, но между жердинами, огораживающими усадьбу с улицы, и хатой рос чертополох, от калитки к крыльцу вела чуть заметная тропинка.

На крыльце сидела бабка в черном платке. Бобренок, толкнув калитку, висевшую на одной петле, вошел во двор.

Поздоровался, но бабка не ответила, только приставила ладонь к уху, и майор понял, что старуха или плохо слышит, или совсем глухая.

– Не слышу я, сынок! Позови дочку, она в хате возится, а если молока хотите, то его нет, потому что нет коровы.

Майор вошел в хату. В сенях стояла бочка, на веревке висело какое-то тряпье, пахло затхлым жильем, борщом, прошлогодней капустой или огурцами. Бобренок хотел постучать в грубо сколоченную, тяжелую дверь, но она раскрылась сама, и на пороге показалась пышно-грудая красивая молодая женщина с заплетенными и аккуратно уложенными на голове косами. Она не испугалась, не вздрогнула, как бывает, когда в своем доме неожиданно встретишь незнакомого человека, просто остановилась в дверях и смотрела выжидающе.

– Ваша мать послала меня... – начал майор не очень уверенно.

Женщина внимательно посмотрела на него – Бобренок заметил, как ее взор задержался на погонах, – отступила, пропуская майора вперед.

– Заходите, – пригласила гостеприимно и даже как-то поспешно, – прошу пана офицера заходить...

В комнате стоял стол, несколько табуреток и лавка вдоль стены. Но за хлопчатобумажной пестрой занавеской Бобренок заметил роскошную для бедного полесского села никелированную кровать с большими блестящими шарами на спинках и платяной зеркальный шкаф, который украсил бы любую квартиру. Это несколько удивило майора. Сел на лавку, снял фуражку, и спросил у хозяйки, что стояла в ожидании, прислонившись к печке:

– Ваша хата крайняя в селе, рядом дорога... Не видели ли вы сегодня утром военных? Несколько или одного? Разминулись мы, а договорились встретиться именно в Жашковичах.

– Нет, не видела... А вы сами откуда? – бесцеремонно поинтересовалась женщина.

– Ну, знаете, военные...

– Тайна, значит, – улыбнулась насмешливо.

– И никто из чужих не проходил?

– Может, и проходили. За всеми не усмотришь.

– Сегодня сено возили, – не сдавался майор. – Откуда?

– А с Григорьевских лугов.

– Видели, как везли?

– Ну, видела.

– И никого не подвозили?

– А бес его знает...

Майору показалось: женщине что-то известно, но она почему-то отмалчивается.

– Вы когда сегодня встали?

– Как всегда, на рассвете.

– Коровы же нет, для чего так рано?

– Привычка, – усмехнулась и как-то вызывающе распрямила плечи, выпятив высокие груди. – Крестьянская привычка, вместе с солнцем, ведь и ложимся рано. Керосина нет. В пять уже в огороде копалась.

– И машины военной не видели?

Женщина замялась лишь на мгновение.

– Нет, – ответила она, и майор уловил, что женщина сказала неправду, потому что этой же дорогой мимо хаты проехал через Жашковичи их «виллис» – шофер высадил его и Толкунова километров за пять от села и возвратился через Жашковичи в штаб армии.

– А в селе чужих людей нет? – спросил.

– Может, и есть...

Бобренок понял, что ничего от нее не добьется, встал и вышел на крыльцо. Толкунов сидел напротив бабки.

Молодица последовала за майором. Бобренок попрощался с ней и спросил, как найти сельсовет.

– Не пройдете мимо, – только и сказала.

Стояла на крыльце, смотрела вслед. Неожиданно майор оглянулся и увидел в ее глазах то ли тревогу, то ли испуг, замедлил шаг и оглянулся еще раз, но женщина даже улыбнулась, и майор подумал, что он, наверное, ошибся.

Сельсовет размещался в одном доме с магазином и был закрыт. Бобренок потрогал большой замок, а Толкунов заглянул в магазин. Он спросил у продавщицы, где можно найти председателя сельсовета.

– А в селе, – ответила та не задумываясь.

– Село большое...

– Большое, – согласилась продавщица, – но дядька Федор на похоронах. Бабка Стефания умерла, так сегодня будут хоронить.

Усадьбу бабки Стефании долго искать не пришлось. Возле хаты толпились люди. Бобренок и Толкунов направились туда. Толпа расступилась, давая дорогу, но майор остановился и спросил, где председатель сельсовета.

Старый, морщинистый человек в черной шляпе смерил его с головы до ног подозрительным взглядом и поинтересовался:

– А вам, извините, зачем?

– Нужен. По делу.

– Ну, если по делу... – учтиво кивнул старик. – Председатель пошел за лошадьми для похорон, сейчас придет.

Пришлось ждать. Бобренок с Толкуновым устроились в тенечке под грушей, росшей во дворе, ощущая на себе многочисленные любопытные взгляды.

Людей на похороны собралось немало, главным образом бабки и старики – молодежь была в армии, и только дети и подростки шастали в толпе. Немного в стороне, правда, стоял мужчина лет сорока, в солдатской гимнастерке, курил и разговаривал со старой женщиной, потом прошел с нею в хату, и Бобренок заметил, что он хромает на правую ногу, обут в кирзовые сапоги. Бобренок незаметно толкнул капитана локтем и показал глазами на человека в гимнастерке. Толкунов, поняв, опустил глаза и щелкнул пальцами: мол, сигнал принят, наблюдение установлено.

Бобренок захотел покурить, но не знал, можно ли это делать во время похорон, однако желание пересилило сомнение, и он извлек из кармана пачку папирос. Очевидно, старик в

черной шляпе не спускал с майора глаз, так как сразу же вырос перед ним и бесцеремонно протянул руку к пачке.

– Разрешите, пан офицер, – попросил льстиво, – таких папирос мы здесь и не видели.

Майор щелкнул пальцем по пачке, выхватил папиросу, зажег спичку, дал прикурить старику, тот затянулся с наслаждением и сел на кончик скамейки рядом с Бобренком. Наверное, ему хотелось поговорить – да еще с таким большим начальником, – почтительно дотронулся мозолистыми и скрюченными от тяжелой работы пальцами до шляпы и сказал:

– Эта Стефка, что умерла, конечно, стервою была, но, если бы паны офицеры знали, какой у нее бимбер...

Бобренко не знал, что такое бимбер, но само слово понравилось ему.

А старик продолжал:

– Такого бимбера, извините, не найдешь во всех Жашковичах. Жаль, что умерла старая выдра, некому больше варить...

– Что такое бимбер? – спросил Толкунов.

Дед удивленно посмотрел на них, как на ненормальных.

– А-а, – сообразил наконец, – это, извините, по-вашему – самогонка, по-нашему же – бимбер, и варить его нужно умеючи, потому что из чистого продукта можно сделать такое, что без пользы организму...

– Без пользы, говорите? – улыбнулся Бобренко, но сразу же погасил улыбку: разве может быть весело на похоронах? А тут еще на тебя смотрит женщина в застиранной кофте неопределенного цвета, в огромных, не по ноге, бахилах. Она держала за руку девочку – беловолосую и голубоглазую, тоненькие, как спички, ножки ее утонули в таких же огромных и тяжелых бахилах.

– Пан, – вдруг спросила женщина, наклонившись к Бобренку, – извините, но когда она кончится?

– Что? – не понял майор.

– Когда мужья наши вернутся? – Женщина смотрела в глаза Бобренку просительно, будто и в самом деле от его ответа зависел конец войны, а девочка подошла к нему, посмотрела бездонными голубыми глазами, вдруг застеснялась и сунула грязный палец в рот, и эти глаза, тоненький палец и нелепые бахилы так разволновали майора, что к горлу подступил комок. Он поискал в сумке и, к счастью, нашел-таки два кусочка сахара, протянул их девочке, но та по-прежнему стояла в независимой позе с пальцем во рту.

– Бери, – подтолкнула ее женщина, – это же сахар. Давно не видела его и забыла, – объяснила майору.

– Ешь, пожалуйста... – Бобренко поднес кусочки на ладони, они лежали как-то сиротливо, но что он еще мог дать ребенку? Это все его сегодняшнее богатство.

Девочка наконец взяла сахар – деликатно, кончиками пальцев, – но все же не выдержала и засунула сразу оба кусочка в рот.

Бобренко затоптал докуренную папиросу и спросил у деда:

– А это кто? – Кивнул на хромого человека в гимнастерке, который как раз выходил из хаты.

Дед сдвинул шляпу на затылок и сказал кратко:

– Степан.

– Какой Степан?

– А Марусин.

– Ваш деревенский?

– А какой же еще?

– Что у него с ногой?

– С рождения...

– А-а... – Бобренок утратил интерес к человеку в гимнастерке. Спросил: – Что-то ваш председатель так задерживается?

– Ведь на все село осталось только три коня. – И добавил рассудительно: – Раньше гроб носили – тут и недалеко, – да мужиков нет.

За калиткой началось какое-то движение, майор решил, что наконец приехал председатель, но пришел поп. Он приплелся из соседнего села, старый и немощный, с желтоватой редкой бородкой, в обтрепанной, с бахромой, рясе, и женщины поползли за ним в хату.

– Старый! – сплюнул на траву дед. – Старый наш поп умрет, кто служить будет?

На улице послышался скрип колес – приехал председатель. Он вошел во двор, широко шагая, высокий уса́тый человек в вышитой сорочке, сразу заметил офицеров под грушей и круто повернул к ним. Шел, приветливо улыбаясь и протягивая левую руку, поскольку правой не было.

– Гавришків, – представился он, – Федор Антонович. Здешний председатель сельсовета. Бобренок с удовольствием пожал крепкую и шершавую руку, а Толкунов спросил:

– Давно демобилизовались?

– Три месяца назад.

– Сержант?

– Старшина.

– Неплохо, – похвалил Толкунов и сказал деду, с интересом прислушивавшемуся к разговору: – Идите, дедуля, а то поп зажда́лся.

Старик спрятал подаренную папиросу под ленту шляпы, встал, кряхтя, и пошел, оглядываясь: идти ему явно не хотелось. Председатель сел на его место, достал кисет. Бобренок предложил ему папиросу, но Гавришків отказался, объяснив, что уже привык к махорке и все остальное не употребляет. Удивительно ловко свернул из заготовленной ранее газетной бумаги толстую самокрутку и задымил, пристально поглядывая из-под густых бровей на офицеров.

Бобренок показал ему удостоверение, старшина внимательно изучил его и спросил по-деловому:

– Чем могу служить?

– Вы местный? – уточнил Толкунов.

– Нет.

– Откуда?

– Из соседнего села.

Ответ разочаровал Толкунова, уголки губ у него опустились, и лицо стало пасмурным, посерело. Наверное, Гавришків понял, что именно не понравилось капитану, поскольку добавил:

– Я на войне с июня сорок первого, товарищ капитан, имею два ранения и четыре ордена.

– Мог бы носить гимнастерку с боевыми наградами. – Толкунов кивнул на сорочку.

– Чтобы все на селе знали, какой герой?

– А что в этом плохого?

– И так знают, – пояснил председатель. – Однако тут вокруг видите какие леса! И в людей с орденами стреляют из-за деревьев.

– Испугался?

Старшина нахмурился:

– Извините, вы по какому делу?

Бобренок постарался хоть немного сгладить резкость Толкунова.

– Капитан имел в виду... – начал деликатно майор.

– Знаю, что он имел в виду, – перебил его сердито Гавришків. – Однако ж капитан, наверное, не каждый день бывает в наших местах, а здесь стреляют даже в сельсоветские окна... И без этого, – вынул из кармана гранату, – да без автомата в лес и не суйся.

Конечно, он не знал, что у Толкунова на счету почти три десятка задержанных диверсантов, но Бобренок не имел права ничего объяснять старшине и только поинтересовался:

– Бандеровцы приходили в село?

– Еще нет, а в Кодрах были позавчера, – махнул култей на лес, – в пяти километрах. Но береженого бог бережет.

– Посторонних в селе нет? – спросил Толкунов, решив, очевидно, положить конец пустой болтовне.

– Кажется, нет.

– Почему – кажется?

– Село большое, за всем не усмотришь.

– Нужно спросить людей, – попросил Бобренок, – может, сегодня утром кто-нибудь видел хромающего человека. Или других людей. Возможно, военных.

Гавришків не стал уточнять, кого имеет в виду майор, и это понравилось Бобренку: в конце концов, военный человек должен знать, что к чему, – чем меньше спрашиваешь, тем лучше.

Председатель докурил самокрутку почти до кончиков пальцев (они были у него желтые от никотина), наконец бросил окурочок и произнес как бы нехотя:

– Слыхал я, Настька говорила...

– Что? – не удержался Бобренок. – Какая Настька?

Председатель объяснил:

– Есть тут у нас такая... Вымахала на сажень, никто замуж не взял, так злится. На женщин – особенно. Сегодня вот поносила Параску Ковтюхову. На рассвете видела – та к заброшенному сараю бежала. Настька, конечно, за ней, притаилась в овраге, промокла вся и замерзла, но не напрасно: увидела, как из сарая в лес человек пошел, Параскин любовник, а может, и бандера.

– Не сказала, что прихрамывал? – нетерпеливо спросил Толкунов.

– Нет, не сказала.

– А как бы эту Настю увидеть? – поинтересовался Бобренок.

– На кладбище. Могилу копает, больше некому, мужчин в селе нет, – пояснил Гавришків, словно извиняясь. – Остались старики, дети да инвалиды. И похоронить по-людски некому... – Он не успел договорить, как дверь хаты распахнулась, начали выносить гроб.

Первым шел поп, размахивал кадилом и бормотал что-то, старухи крестились и кланялись, за ними несли гроб. Впереди подставили плечи Гавришків и хромоу Степан, дальше – женщины, они были значительно ниже ростом, и гроб как-то неестественно одной стороной был поднят кверху, казалось, что покойница хочет выскользнуть из него. Но все же гроб благополучно установили на телегу, положили рядом крышку, и траурная процессия двинулась по улице вниз, к речке, за которой виднелась старенькая деревянная церковь, окруженная могилами.

Бобренок с Толкуновым поплелись следом, сзади них пристроился только дед. Шел, еле переставляя ноги, но предложил-таки офицерам:

– Вы на поминки возвращайтесь, не пожалеете, бимберу полная бутылка, а кому пить? Бабы этого не понимают, им что бимбер, что казенка – все равно без пользы, извините...

Возле могилы стояла высокая худая, изможденная женщина.

Председатель понимающе переглянулся с Бобренком, офицеры отошли в сторону, сели на скамейку под кустом сирени и терпеливо дождались конца похорон, хотя Толкунов и поносил сквозь зубы проклятого попа, затягивавшего, с точки зрения капитана, процедуру.

Наконец председатель подвел к ним Настьку. Бобренок предложил ей место на скамейке, но она отказалась сесть, стояла, опершись на лопату с прилипшей землей, и глаза ее тревожно бегали.

– Расскажи, Настя, – ласково, почти нежно начал Гавришків, – как ты утром Параску выследила...

– А зачем? – спросила Настька. Голос у нее был мужской, почти бас.

– Интересуются люди.

– А что интересного? Параска курва, все знают, что полюбовника завела, который жил с ней, не скрываясь. Может быть, это он и был...

– Может, – согласился председатель. – А ты не заметила, тот фертик, который из сарая в лес подался, не хромал?

– Может, и хромал. – Настька надавила большим солдатским ботинком, облепленным рыжей землей, на лопату, всадила ее в землю. – Только зачем Параске хромой?

– Когда вы видели Параску? – попробовал уточнить Бобренок. – В котором часу?

– А у меня что, часы есть? – Впервые Настька изобразила на лице что-то похожее на улыбку. – Темно еще было, чуть серело.

– Где живет Параска? – спросил Бобренок.

– Вы из Филипповского леса шли? – уточнил председатель. Майор кивнул, и Гавришків пояснил: – Мимо ее хаты проходили, крайняя, почти в лесу.

– И бабуся у нее глухая?

– Да, плохо слышит.

Бобренок вспомнил молодницу и то, что она чего-то недоговаривала. Однако зачем ей среди ночи скрытно пробираться в сарай? Если парашютист вышел из Филипповского леса, сразу бы шмыгнул в Параскину хату.

– Вы точно видели, что из сарая на рассвете вышел мужчина? – спросил Бобренок у Насти.

– Не слепая еще. И Параска – сразу назад, в село...

– Ладно, – махнул рукой майор, – спасибо. Только вот что: о нашем разговоре никому, чтоб Параска не узнала.

– Конечно! – зло блеснула глазами Настя, бросила лопату на плечо и зашагала, как заправский землекоп, широко, по-мужски.

– Не верьте, разнесет по селу, как сорока, – заметил Гавришків. – Болтунья...

Майор поделился с ним своими соображениями: он не мог представить, зачем бегать женщине ночью в сарай, если лучшего места для встречи, как в собственной хате, найти трудно.

Председатель подумал и сказал:

– Все правильно, у этой Параски голова на плечах есть. Мы со Степаном – вон, видите, поехал, – показал пальцем на хромого, который в это время отгонял телегу в село, – возле Параскиной хаты засады устраиваем. Бандеры если придут, то с той стороны. Мы там и вертимся...

– И Параска не могла не знать этого?

– Конечно, глаза же есть... Да и не прятались мы от нее. Там за двором стог стоит, так мы в нем...

– В эту ночь сторожили?

– Нет.

Бобренок быстро прикинул: человек из леса наверняка не мог знать о засаде – шел в село и завернул к Параске, а та отправила чужака в сарай, потом и сама подалась туда. Майор переглянулся с Толкуновым. Правда, были случаи, когда абвер забрасывал шпионов на заранее подготовленные явки, забрасывал иногда людей и из местных, которые могли бы использовать своих родных и знакомых. Спросил у председателя:

– А как она, Параска? Ничего за ней не водится?

Гавришків пожал плечами:

– Не слышал... Хотя вот что... Я человек здесь новый, но дошло до меня: был у Параски парень... из окруженцев... А перед тем как наши пришли, исчез.

Это была хоть какая-то ниточка, за которую можно ухватиться, но майор, незаметно подмигнув Толкунову, отрезал:

– Пустяки... Эти окруженцы, что к девкам прилипали, давно уже в армии. Бывайте, старшина, – пожал левую руку Гавришкivu, – нам пора, машина ждет.

Действительно, «виллис» стоял на противоположном берегу реки, и шофер несколько раз просигналил, давая знать о себе.

Машина прошла по селу медленно и не таясь. Бобренок с удовольствием увидел стоящую на крыльце Параску. Женщина проводила «виллис» взглядом; они проехали так близко, что Бобренок заметил выражение ее лица – какое-то отчужденное и безразличное, а может, это только показалось ему, потому что Параска даже кивнула, и майор поднял руку, отвечая на приветствие.

«Виллис» остановился там, где из леса на проселочную дорогу вышел хромой, шофер Виктор вытащил брезент, расстелил на траве, и разведчики растянулись на нем, глядя, как хлопчет парень. Он поставил на брезент термос с крепким чаем, открыл банку тушенки, положил полбуханки хлеба – это был паек, но Виктор от себя добавил еще несколько помидоров и две луковицы – успел заскочить в Маневичах на базар.

– Готово, – сказал Виктор.

Толкунов перевернулся на живот, отрезал большой кусок хлеба, подцепил ножом из банки тушенку и стал жевать медленно, будто и не было изнурительной ночи и голодного дня. Не отрываясь от еды, спросил у Бобренка:

– Витька отпустим?

– Разумеется, чтоб машиной здесь и не пахло.

Толкунов посмотрел на часы:

– Пока не стемнеет, походим по лесу.

– Угу, – согласился майор и откусил от большого сочного помидора.

– Я думаю, – продолжил дальше Толкунов, – мы пойдем оврагом, я там приметил одно место, но не успел осмотреть.

С Толкуновым работать – одно удовольствие. Ни словом еще не обмолвились о деле, а уже понял Бобренка.

– Ты в сарае засядешь, а я – возле Параскиной хаты. Тот хмырь может раньше прийти, бери его сразу, Параска нам ни к чему, да и никуда не денется, а вот на ее ухажера мне хочется взглянуть, – сказал Толкунов.

– Не лучше ли нам двоим возле хаты?..

– Зачем?

– А если не один из леса выйдет...

– Девка что, зря дорогу в сарай проложила? Все туда пойдут. Я там приметил, когда возвращались: есть место, откуда и Параскина хата просматривается, и подступы к сараю. Я тебе на помощь всегда успею.

– Успеешь, – согласился Бобренок. – А если он или они к хате придут?

– Ну, с двумя я сам справлюсь, – произнес Толкунов, впрочем, Бобренок знал, что и в самом деле справится. – А если их будет больше, я тебе свистну.

– Договорились.

Они съели все, что выложил Виктор на брезент, и направились в лес. Толкунов повернул резко направо, и скоро разведчики спустились в неглубокий, но темный, с ручейком на дне, овраг.

Капитан выломал из орехового куста крепкую палку и раздвигал ею густые заросли, порой, как настоящий минер, тыкал заостренным концом в грунт. Майор шел метрах в пятнадцати от него, по другой стороне оврага.

Они прошли, наверное, с километр, овраг здесь поворачивал, начиналась довольно широкая поляна. Бобренок остановился на мгновение, ориентируясь, и тут Толкунову повезло. У самого оврага заметил на траве кучку свежей земли – она не могла оказаться здесь случайно (вообще ничего случайного в лесу, по глубокому убеждению капитана, не могло быть).

Толкунов опустился на колени.

– Есть что-нибудь? – спросил Бобренок.

Капитан только поднял предупреждающе руку, разглядывая землю. Осторожно снял верхний слой – земля была еще влажная, не успела просохнуть и рассыпаться. Итак, она оказалась здесь совсем недавно.

Толкунов внимательно огляделся вокруг, заметил слегка помятую траву и скошенный чем-то острым бурьян. Подошел, поднял кусок дерна, разгреб грунт и увидел шелк парашюта. Подозвал майора и показал закопанный парашют.

– Он выбирал землю пригоршнями и бросал в ручей, – пояснил, – немножко земли уронил. Если б не эта земля, никогда не нашли бы.

В тайнике лежал парашют, оставленный хромым, шелк был порван. Они приложили кусок, снятый с дуба, – все сходилось, и Бобренок подумал, что, наверное, самолет сбросил только одного парашютиста-шпиона, хорошо знающего местность.

Майор быстро сориентировался. Диверсант сделал небольшой крюк – метров триста или четыреста, – чтобы закопать парашют. Он решил поступить так – это сразу видно, – в горячке забыв о поврежденной ноге. Устроив тайник, поспешил в Жашковичи, но тут нога дала о себе знать. Перебинтовал ее, вышел на проселок и добрался до хаты Параски.

– Ну что, капитан, порядок?

Но Толкунов не склонен был разделять оптимизм Бобренка:

– Порядок будет, когда парашютиста поймает.

– Дело техники.

– Не нравится мне все это.

– Почему же, есть след.

– От следа до дела... А здесь все как-то не по правилам. Когда это фрицы одного-единственного парашютиста сбрасывали?

– Но ведь Карий предупреждал – явно необычная операция.

– А если необычная, где подстраховка? Мог этот парашютист разбиться?

– Мог.

– И без радиации. Как дать знать о себе?

– Радиацию абверовцы могли оставить, – возразил Бобренок. – У той же Параски.

– Очень уж дальновидно, – сказал Толкунов не слишком уверенно. – Давай, пока не стемнело, еще немного походим.

Они прошли овраг до конца, обшарили все подходы к нему, но ничего не нашли.

Двинулись в Жашковичи напрямик. Лес здесь был не очень густой, подлесок вытоптали жашковичские коровы – трава росла высокая, и пастухам не было нужды далеко гонять стадо.

Скоро в просветах между деревьями увидели хаты, вышли на полянку и спрятались в орешнике. Дальше, к селу, тянулось лесное пожарище с пеньками и редкой порослью, лучшего места для отдыха не найти: все видно вокруг, и никто не мог подойти незамеченным.

Бобренок подложил под голову сумку, с наслаждением вытянул ноги.

– Как считаешь, если покурить?... – спросил Толкунов.

Майору тоже очень хотелось курить. Конечно, этого не следовало бы делать – человек в лесу мог бы почувствовать дым.

– Давай, – согласился, – только осторожно.

Толкунов, ссутулившись, чиркнул зажигалкой, дал прикурить майору от своей папиросы; они прятали огоньки в ладонях и жадно затягивались – знали, что курить не придется всю ночь.

Потом легли голова к голове, замолкли, вслушиваясь в вечерние звуки засыпающего леса, и Бобренку показалось, что Толкунов задремал. Но капитан вдруг зашевелился, повернулся к Бобренку и прошептал:

– Война скоро кончится...

– Скоро, – согласился Бобренко радостно. – Вот Польшу пройдем, а там и Берлин! И конец нашим трудам...

Толкунов не согласился:

– Работа только и начнется...

– Скажешь такое!

– А разных гадов кто будет вылавливать? Дядя?

– А-а, ты вот о чем... – протянул Бобренко. – А я подам рапорт и демобилизуюсь.

– Ты что? – даже испугался капитан. – Ведь ты ас контрразведки, три ордена, кто тебя отпустит?

– Что ордена... – вздохнул Бобренко, но сам почувствовал, что не очень искренен, поскольку не был безразличен к своим наградам – два ордена Красного Знамени и орден Отечественной войны II степени заслужил честно и законно гордился ими.

– Ордена – это признание, – возразил Толкунов убежденно. – Ты это всерьез – о демобилизации?

– Решил.

– Глупость делаешь, – сказал Толкунов уверенно, – для тебя в армии все двери открыты. Два курса института знаешь сколько сейчас весят? Поступишь в академию, окончишь полковником.

Бобренко лениво потянулся и тихо возразил:

– Геолог я, понимаешь?

– Ну и что? А я работал в МТС.

– Если любишь свое дело...

– А я это полюбил... – Толкунов погладил свою кобурку. – Только мне труднее будет. Семь классов... Задержанные диверсанты – это и есть мой аттестат. Как думаешь?

– Еще какой! – успокоил его Бобренко. – Все тебе зачтется.

– Поймаем сейчас этого шпиона проклятого, – неожиданно перевел разговор на другое Толкунов, – и отоспаться можно будет. Я бы подремал немного.

– И я бы...

– У нас есть время поспать, – подумав, сказал Бобренко. – По сорок пять минут. Вначале – ты, а потом – я.

– Можно, – согласился Толкунов. – Сейчас еще в селе люди ходят.

Заснул сразу, спал тихо, как сова, и Бобренко подумал, как это ценно для разведчика: уметь так мгновенно расслабиться и заснуть. Он лежал и вслушивался в ночные шорохи леса: сонно пискнула из кустов какая-то маленькая птишка, бесшумно пролетел сыч и, усевшись на дерево, заухал тоскливо и жутко.

На миг и майору стало страшно, как бывало в детстве, когда оставался один в лесу – за каждым стволом чудится опасность...

Минуты тянулись долго, сон одолевал Бобренку, он с завистью смотрел, как тихо дышит Толкунов, вертелся и растирал себе щеки. Наконец наступила его очередь – майор свободно вытянулся под кустом, но сон как рукой сняло, и Бобренко долго не мог уснуть. Проснулся он от толчка, сразу сел, протер глаза и спросил:

– Который час?

– Одиннадцать.

– Пошли.

Они вышли к селу. Постояли немного под развесистым деревом. Параскина хата казалась безлюдной. Пробираясь по подлеску, обошли село и разошлись. Толкунов залег в огороде среди подсолнухов, а Бобренок устроился в полуразвалившемся сарае так, чтобы видеть подход к нему.

За огородами, окружавшими сарай, начинался луг с ручьем посередине, по его руслу можно было почти незаметно подойти к сараю, и Бобренок подумал, что сметливая Параска неслучайно выбрала это место для встреч.

В центре села лаяли собаки, где-то близко сонно запел петух, но сразу спохватился и замолк – тишина, и только уханье сыча доносилось из пуши.

Незнакомец вышел из леса ровно в двенадцать, перебирался от куста к кусту осторожно, пока не скрылся в лощине. Выскользнул из лощины напротив сарая, метрах в пятидесяти от него, постоял, оглядываясь, и направился прямо к Бобренку, притаившемуся за дверью. Он вошел в сарай смело и не таясь – был уверен в полной безопасности – и только вскрикнул, когда майор заломил ему руки.

– Тихо! – приказал Бобренок. Связал руки пришельцу и ловко обыскал его. Не найдя оружия, обыскал еще раз более внимательно и зажег фонарик, осветив лицо ночного гостя. Молодой, лет двадцати пяти парень, полнолицый, курносый, смотрит испуганно, и губы дрожат.

– Кто ты? – спросил майор властно. – И откуда?

Парень сморщился, чуть не заплакал и ответил обреченно:

– Иван Заглада, и документы у меня есть...

– Какой Заглада и откуда?

– Из леса... Там курень, и я живу...

Бобренок произнес строго:

– Быстрее! Всю правду и до конца. Когда забросили, с кем, какое задание? Настоящая фамилия?

– Заглада, я же говорю, что Заглада. Не убивайте меня!

Бобренок подтолкнул его в глубь сарая.

– Но я ведь не вру, и вы можете проверить...

– Говори, откуда и какое задание?

– Какое задание? Окруженец я и жил здесь в селе. В хате Параски Ковтюх.

Сейчас и майору стало ясно – поймали они не ту рыбу. На всякий случай пригрозил парню пистолетом, выглянул из сарая и почти столкнулся с самой Параской. Сразу же за ней из темноты вынырнул Толкунов.

Параска, очутившись между двумя мужчинами, метнулась в сторону, но от капитана не убежал бы самый быстрый диверсант, не то что женщина.

– Без глупостей! – приказал он.

Он подтолкнул Параску в сарай, где стоял в углу парень со связанными руками. Женщина бросилась к нему, обняла и заплакала.

– Что они сделали, Ивасик! – воскликнула. – Чего бросаетесь на людей? – обернулась зло.

– Вы знаете этого человека? – спокойно спросил Бобренок.

– Почему ж не знать? Муж мой.

– Как звать?

– Иван Заглада. С сорок первого у меня, и люди могут подтвердить.

Бобренок услышал, как разочарованно хмыкнул Толкунов у него за спиной, и спросил:

– В какой части служили, Заглада, и как попали в окружение?

Парень вытянулся, насколько позволяли связанные руки, и доложил четко, словно своему ротному командиру:

– Сержант тридцать шестой гаубичной батареи восемьдесят первого артдивизиона. Нас окружили под Ровно, потерял своих и решил остаться. Был ранен в ногу и не мог идти... – добавил, потупившись.

– Почему не явился в ближайшую воинскую часть после освобождения?

Заглада шмыгнул носом, блеснул глазами на Параску и ответил виновато:

– Она не отпустила...

– Но ведь ты солдат.

– Солдат! Я ей говорил: должен идти к своим, она плачет – не пущу, потому что убьют... В лесу курень устроила, за болотом, там места глухие, никто не ходит, а ночью в сарае встречались.

– Дезертир! – вдруг зло крикнул Толкунов. – Дезертир и предатель! Пойдешь под трибунал, штрафбат обеспечен! Ясно?

Парень опустил голову:

– Куда уж ясней...

– Кто из деревенских может подтвердить, что он на самом деле окруженец? – спросил Бобренко у Параски.

Та наконец оторвалась от парня.

– Его не расстреляют? – спросила со страхом.

– Я говорю: обойдется штрафбатом... – Толкунов выключил фонарик, экономя батарейки.

– Тут каждый в селе знает меня. Я не помогал немцам и не служил у них, все подтвердят.

– Держался за юбку! – презрительно бросил Толкунов.

– Подождите, – вдруг встрепнулся парень, – я догадываюсь, кого вы ищете. Параска видела в лесу и говорила мне...

– Кого? – подскочил к женщине Толкунов. – Кого и когда, говори быстрее!

– Лейтенант с вещмешком, еще хромал. Вчера утром, вижу, шпарит какой-то лейтенант в Жашковичи. Я спряталась – к кому, думаю, идет? Кустами обошел село, а потом на тропинку повернул, к леснику. Эта тропинка только к леснику, – добавила уверенно, – мы здесь все тропинки знаем.

Бобренко развязал парню руки.

– Сейчас мы покажем тебя кому-либо из сельчан, – сказал, пряча ремень. – Если ты окруженец, завтра отправим в Маневичскую комендатуру.

Заглада пошевелил пальцами, разминая руки. Параска прижалась к нему.

– Я сразу заподозрила этого лейтенанта, – произнесла уверенно. – Зачем прятался в кустах? Да и лесник подозрительный, люди говорят, с бандерами связан.

Толкунов переглянулся с Бобренком.

– Пошли, и так задержались...

Глава 5

Оберштурмбаннфюрер СС Греффе внимательно прочитал характеристику, удовлетворенно откинулся на спинку кресла. Кажется, кандидатура отвечает всем требованиям: наконец-то нашли нужного человека. Поскольку данные на этого агента требует сам Кальтенбруннер, то и бригадефюрер СС Вальтер Шелленберг, начальник VI управления Главного управления имперской безопасности и непосредственный начальник Греффе, безусловно, познакомится с ними. Оберштурмбаннфюрер придвинул к себе характеристику, еще раз внимательно изучил ее.

Петр Ипполитов. С конца двадцатых годов по сороковой жил на Украине, в Узбекистане, Башкирии. Под разными фамилиями. Перед войной, получив служебную должность заведующего нефтебазой на одной из сибирских станций, прихватил большую сумму денег, бежал, скрывался, используя подложные документы.

В ноябре сорок первого года Ипполитова мобилизуют в армию, где он служит вначале командиром взвода, а затем – роты. В мае сорок второго, выбрав удачный момент, переходит на сторону немецкой армии. На допросах сообщил командованию много фактов, имевших определенное военное и политическое значение.

Что ж, это тоже говорило в пользу Ипполитова: стало быть, готовился к переходу через линию фронта и пришел не с пустыми руками.

Далее: в деле есть письменное заявление Ипполитова, в котором он обязуется верно служить немецкому командованию и просит назначить его бургомистром одного из оккупированных городов.

Греффе потер нос. Да, у этого Ипполитова губа, как говорят, не дура, на это следует обратить внимание.

В сорок третьем Ипполитов попал в Австрию, где им заинтересовалось гестапо. Долгое время его тщательно проверяли. Выполняя задания гестаповцев, Ипполитов был провокатором в концлагерях и венской тюрьме. Прикидываясь честным советским командиром и даже политработником, он входил в доверие к военнопленным, выявлял коммунистов и командиров Красной армии, выдавал подпольщиков, предупреждал гестапо о побегах пленных.

Стараясь выслужиться, Ипполитов подбивал пленных к побегу, сообщая об этом в последнюю минуту лагерному начальству.

В августе сорок третьего после очередной провокации в венской тюрьме, когда Ипполитов выдал большую группу советских патриотов, он был официально завербован сотрудником СД «для выполнения специальных, особой государственной важности дел».

В Австрии Ипполитов окончил школу агентов разведки.

Этот Ипполитов уже никогда не сможет перейти на сторону русских: понимает, что его там ждет.

Дальше в характеристике перечислялись такие черты Ипполитова, как находчивость, умение быстро ориентироваться в сложной обстановке, ненависть ко всему советскому, страх перед расплатой за совершенные преступления. Отрицательными чертами следовало считать жадность, карьеризм, абсолютную беспринципность.

Однако, решил Греффе, это скорее свидетельствует в пользу Ипполитова: зная, что его ждут награды и почести Третьего рейха, он будет стараться наилучшим образом выполнить задание.

Греффе нажал на кнопку звонка, и в дверях кабинета вырос унтерштурмфюрер Продль. Греффе кивнул, приглашая его сесть.

– Я доволен вами, Продль, – сказал шеф, – кандидатура кажется мне удачной, думаю, она удовлетворит все инстанции.

Продль чуть не подскочил на стуле от радости. Между прочим, он не знал, какая именно миссия предназначена Ипполитову, ему сказали только, что нужен решительный, смелый и умный агент для выполнения чрезвычайно важного задания. Ипполитов подходил больше всех, и весьма приятно, что его выбор одобряет сам оберштурмбаннфюрер.

– Где он? – спросил Греффе.

– Сидит, – кивнул на дверь Продль.

– Введите его сюда.

Ипполитов вошел в кабинет, вытянулся, пристально глядя на начальство. А в том, что начальство высокое, не сомневался. Оберштурмбаннфюрер СС, подполковник по-армейски, не такая уж высокая птица, но здесь, в Главном управлении имперской безопасности, свои законы, и даже всем известный Отто Скорцени носит скромные знаки отличия штурмбаннфюрера.

Ипполитов понравился Греффе: лицо энергичное, смотрит преданно, аккуратный, подтянутый.

– Садитесь, – показал на стул Греффе. – Садитесь, господин Ипполитов. Как вас приняли в Берлине?

Ипполитов удовлетворенно улыбнулся. Двухэтажный комфортабельный коттедж на окраине Берлина очень понравился ему. Две спальни на втором этаже с отдельными ванными, большая гостиная с ковром во весь пол, бар. Не хватало только женщин, но Продль объяснил, что в конце концов будут и они, лишь бы Ипполитов произвел хорошее впечатление на начальство.

– Все очень хорошо, господин оберштурмбаннфюрер, лучше и быть не может.

– Мы умеем ценить верность, но требуем работы, отдачи.

– Вполне справедливо.

– Мне приятно, что вы понимаете это.

Ипполитов не отводил взгляда от вытянутого лица эсэсовского подполковника. Видел его насквозь. Сейчас начнет обещать всякие блага, наговорит сорок бочек арестантов.

– Унтерштурмфюрер, – обернулся Греффе к Продлю, – приготовьте нам кофе. И по рюмке коньяку.

Продль понял, что его просто выпроваживают, но ничем не выдал обиды. Встал и покорно отправился за кофе и коньяком. Сто чертей, носить коньяк паршивой русской свинье, которую Продль в душе глубоко презирал?! Однако эта свинья, очевидно, нужна рейху, если сам оберштурмбаннфюрер будет угощать ее.

Когда за Продлем закрылась дверь, Греффе сказал, пристально уставившись на Ипполитова:

– Итак, мы остановились на том, что будем требовать от вас работы, господин Ипполитов, отдачи, так сказать, соответственно вашим способностям.

– Да.

– И эта работа небезопасная.

– Я не трус, готов выполнить любое задание.

– Я ожидал именно такого ответа. Мы возлагаем на вас большие надежды, конечно, и вознаграждение будет соответственным. Если все закончится успешно, Ипполитов, вы станете богатым человеком.

– Честно говоря, господин оберштурмбаннфюрер, я бы не возражал против этого.

– Все в ваших руках. Мы должны осуществить большую акцию, Ипполитов, которая, возможно, получит резонанс во всем мире! – Греффе уставился на Ипполитова, желая проверить, какую реакцию произведут его слова. Неужели испугается? – Вы говорили, что у вас есть влиятельные знакомые в Москве?

Ипполитов крепко сжал пальцы, но так, чтобы Греффе не заметил его волнения. Черт его дернул похвастаться высокими знакомствами – сейчас это может повредить ему. Ответил неопределенно:

– Идет война, господин оберштурмбаннфюрер, она разбрасывает людей, и я не совсем уверен, что все на своих местах. Хотя, – добавил, – кое-какие связи всегда можно возобновить.

Дверь открылась, Продль принес кофе и две большие рюмки с коньяком. Он поставил поднос на журнальный столик, и Греффе подсел к нему, предложив Ипполитову мягкое кресло. Продль вышел, не сказав ни слова. Это понравилось Греффе: всегда приятно, когда подчиненный понимает тебя и относится с надлежащим уважением.

– Мы забросим вас в советский тыл, – решительно перешел к делу оберштурмбаннфюрер. – Вы должны будете осесть где-нибудь в Подмоскovie или в Москве. Снимете квартиру, возобновите знакомства, изучите обстановку... У вас будут деньги, надежные документы, средства связи и, наконец, новое, совершеннейшее, особо секретное оружие, портативная пушка, если хотите. Она будет помещаться в рукаве вашего пиджака – стреляет снарядами, способными пробивать пятисантиметровую броню.

– Неужели? – не поверил Ипполитов. – Вот это штуковина!

– Как вы сказали? Штуковина? Что это такое?

– Замечательная вещь, – приблизительно объяснил Ипполитов. – Так говорят русские, господин оберштурмбаннфюрер.

– Из этой... э-э... штуковины вам придется стрелять, Ипполитов. – Глаза у Греффе сузились, словно он сам прицеливался.

– Рука у меня твердая!

– Вы слышали о «Цеппелине»?

– Разведорган?

– Да. Вы должны пройти там специальную подготовку.

– Не помешает. Только вот что, господин оберштурмбаннфюрер, – продолжал Ипполитов нагло, в конце концов, теперь он мог себе это позволить, – я хочу, чтобы ваши инструкторы в процессе подготовки операции прислушивались к моим советам и желаниям.

– Вас будут готовить лучшие специалисты рейха.

«А чихать я хотел на ваших спецов, – подумал Ипполитов, – насмотрелся в Австрии». Но вслух произнес учтиво:

– Я глубоко благодарен за заботу. Но ваши специалисты не знают некоторых тонкостей жизни русских и не могут учесть все мелочи.

Он был прав, этот пройдоха, и Греффе не мог не согласиться с ним. Пообещал твердо:

– Руководство «Цеппелина» получит такое указание.

– Я был уверен, господин оберштурмбаннфюрер, что вы согласитесь со мной.

Греффе смотрел на Ипполитова тяжелым взглядом. Этот тип наглез с каждой минутой, и его счастье, что у него нет дублера. Однако оберштурмбаннфюрер подавил в себе чувство неприязни к Ипполитову. Вероятно, успех дела зависел именно от этих черт его характера: наглости, самоуверенности, умения быстро ориентироваться в любых условиях. Сейчас этот тип нужен им, и можно позволить ему немного амбиции; сделает свое дело, вернется, во что Греффе, честно говоря, мало верил, тогда можно поставить его на место – у каждого должно быть свое место, и никто еще не прыгал выше своей головы.

Греффе встал и пожал Ипполитову руку.

– Желаю успеха, – произнес он искренне. – О нашем разговоре не должен знать ни один человек. С сегодняшнего дня вы строго засекреченная особа.

– Так точно! – ответил Ипполитов и вышел из кабинета, выпятив грудь. Чего-чего, а амбиции ему не нужно было занимать.

Глава 6

Лес подступал к самому проселку. «Виллис» прыгал на выбоинах между деревьями, ветки нависали над дорогой, и приходилось наклоняться, чтобы не поцарапать лицо.

Виктор бормотал что-то себе под нос, а Бобренок, надвинув фуражку на лоб, вглядывался в кустарник. В этих местах можно ожидать всего, даже автоматной очереди из-за дерева.

Наконец лес немного отступил, дорога пересекла небольшую полянку, и впереди обозначился крутой поворот. Толкунов дотронулся до плеча Виктора:

– Останови здесь, нам лучше подойти к дому лесника незаметно.

Бобренок, соглашаясь, кивнул. Действительно, вон развесистая береза в конце поляны, о которой говорил им Гавришкив, а перед самым поворотом – молодой дуб. Ориентиры обозначены точно, и Толкунов прав: береженого и бог бережет – возможно, в доме лесника засада.

Через десять – пятнадцать минут лазания по кустам и молодняку Толкунов подал майору знак остановиться, постоял сам немного, высматривая что-то впереди. Подозвал Бобренка.

– Чувствуешь, дымом пахнет? – спросил он.

Бобренок втянул воздух, но, кроме острого запаха прелых листьев и смолы, не почувствовал ничего. Неопределенно покачал головой.

– Неужели не чувствуешь? – победно улыбнулся Толкунов. – У лесника топится печь.

– А что варят? – не без иронии спросил Бобренок, но капитан не отреагировал на его подковырку.

– Ступай осторожно, – предупредил майора. Вынул свой знаменитый пистолет и засунул его за пояс: сейчас никто не мог напасть на них неожиданно, это было проверено опытом – не зря у капитана около тридцати задержаний, сам же он только раз был ранен.

Они продвигались, часто останавливаясь. Лес поредел, наконец совсем расступился – впереди, за молодыми березками, открылась поляна, засаженная картофелем. Какой-то мужчина возился там с лопатой.

Толкунов сделал знак Бобренку оставаться на месте, а сам незаметно исчез в кустах. Не шелохнулась ни одна веточка, только какая-то птичка пискнула встревоженно и сразу умолкла.

Бобренок стоял, прислонившись плечом к шероховатому стволу, и наблюдал за мужчиной в огороде. От него до майора было всего полсотни метров, и Бобренок смог четко разглядеть его. Мужчина копал картофель аккуратно, осматривая каждый куст, ощупывая землю в ямках и отыскивая клубни, – работал не спеша, спокойно, не останавливался и не оглядывался, чувствовал себя в полной безопасности и был целиком поглощен своей немудреной работой.

Толкунов вырос у того за спиной неожиданно: даже Бобренок, знавший, что сейчас должно было произойти, и не спускавший глаз с подлеска на краю поляны, не заметил, как капитан появился из-за кустов. Бобренок подошел к ним.

Лесник – а это был именно он, все соответствовало словесному портрету, нарисованному председателем сельсовета: высокий, седой, длинноносый, – смотрел на них не то чтобы испуганно, а как-то непонимающе или даже удивленно.

– Что нужно панам? – спросил он наконец не совсем твердо. – Так как, кроме картошки...

– Вот что, – произнес Толкунов, – советую самому признаться во всем, иначе сами знаете, чем это может кончиться...

Капитан немного переборщил, и Бобренок решил вмешаться:

– Кто прячется у вас и сколько их?

Лесник замахал руками.

– Никто, – заверил он поспешно. – Никто, и уважаемые паны офицеры могут это легко проверить.

Толкунов блеснул глазами. Он наступал на лесника, а тот пятился по ботве, она трещала и ломалась под ногами. Бобренок преградил леснику дорогу, похлопал его по плечу и сказал спокойно, рассудительно:

– Давайте поразмыслим вместе, Василий Иванович. Я уверен, что мы найдем общий язык... Спокойно, капитан.

Толкунов удивленно глянул на Бобренка. Очевидно, считал в этой ситуации свою линию вполне оправданной, а майор все портил.

– Чего с ним цацкаться?! – воскликнул он.

– Спокойно, – остановил капитана Бобренок. – Так как, Василий Иванович?

Лесник стоял, опустив руки, и хлопал глазами. Никак не мог понять, откуда эти офицеры знают его имя и отчество, вероятно, это удивило его больше, чем их внезапное появление на поляне.

– Сейчас мы произведем обыск в вашей усадьбе и обнаружим лейтенанта, хромящего на правую ногу, – продолжал Бобренок, – или нескольких мужчин, переодетых в военную форму. Кстати, – придумал на ходу, – усадьба окружена, и никому не удастся уйти. Тогда что будет с вами? Суд за оказание помощи вражеским агентам. Время военное. Знаете, сколько за это дают? Кроме того, ваш сын учится в Ровно. Представляете, как запятнаете его?

Лесник растерянно потер небритую щеку. Ответил нерешительно:

– Но откуда я мог знать, что Степа вражеский агент? Племянник мой, попросил пристанища...

– Дитяtko... с лейтенантскими погонами! – рассмеялся Толкунов.

– И я удивился! Так он говорит: недавно прицепил, чтобы спастись, не было другого выхода...

– Кроме Степана кто в доме? – быстро спросил Бобренок.

Лесник перекрестился:

– Я и жена, бог свидетель. И Степан-то лишь вчера приплелся.

– Говорил, куда идет и зачем?

– Попросил спрятать его на несколько дней. Нogu вывихнул или поранил. Подлечит ногу, тогда дальше...

– Куда?

– А мне что? – неожиданно чуть не заплакал лесник, и Бобренок понял, что тот в самом деле испугался. – Я так думаю: к бандерам подается. Он с бандерами здесь вертелся, будет вертеться и дальше.

– Зачем же прячете?

– Так ведь племянник мой – Степка. И бандер страшно. Мне в лесу одному с женой как? Я его выдам, люди узнают – люди все знают, – и бандерам станет известно. Каюк мне тогда, придут ночью – и каюк...

– Где сейчас Степан? Его фамилия?

– На чердаке отлеживается. Олексюк он, по фамилии сестры.

– Вот так, Василий Иванович, – почти весело произнес Бобренок, – значительно смягчилась ваша вина, а если вы сдадите нам вражеского диверсанта...

– Так ведь племянник же мой...

– Он диверсант, наш враг, причем вооруженный, и все равно...

– Точно, вы все равно возьмете его, – согласился лесник.

– Где у него пистолет?

– Там же, на чердаке...

– В кармане? Под подушкой?

– Я ему сена постелил и рядом принес, так он на рядом пистоль бросил.

Бобренок подумал и спросил:

– Незаметно подойти к дому можно?

– Пожалуйста...

– Вы пойдете с нами. Полезете на чердак первым, я – за вами. Если Степан заподозрит что-нибудь, успокойте его.

Лесник выслушал молча, ответил уверенно:

– Успокою, пан офицер.

Толкунов возразил:

– На чердак полезу я.

– Это почему же? – не согласился Бобренок.

Капитан погладил рукоятку пистолета:

– Ты свое дело сделал, теперь моя очередь.

Это было логично, и Бобренок согласился.

– Я прикрою тебя.

– Только знай, – предупредил лесника Толкунов, – если продашь...

– Понятно... – Лесник направился к опушке леса, но вдруг вернулся и прихватил неполное ведро картошки. Шел впереди разведчиков, ведро поскрипывало в его руке.

Впереди показался амбар, они незаметно обошли его. Лесник аккуратно поставил ведро и, показав на дверь, объяснил:

– До крыльца десять шагов, проскользнем тихонечко, а в сенях лестница...

– Давай! – махнул пистолетом капитан.

Он выглянул из-за амбара и, убедившись в правдивости слов хозяина, пропустил того во двор. Направился следом за ним. В нос ударил запах свежерытой картошки и соленых огурцов. Капитан мгновенно сориентировался – откинул занавеску, висевшую на веревке и закрывавшую лестницу, приставленную к стене.

– Ну! – прошептал зло.

Лесник подошел к лестнице, и тут из комнаты послышался женский голос:

– Ты, Василий?

– Кто ж еще? Степа на чердаке?

– Спит, кажется.

– А-а... – Лесник стал подниматься на удивление легко и тихо.

Капитан следовал за ним вплотную, держа пистолет наготове. Они взобрались на чердак почти одновременно – здесь было темновато и пахло свежим сеном. Лесник ступил вглубь – там, растянувшись на рядне, спал мужчина в майке, парабеллум лежал рядом. Толкунов заметил оружие сразу, бросился к нему, но путь ему преградил хозяин: лесник первый дотянулся до пистолета. На какой-то миг капитану показалось даже, что тот хочет воспользоваться им, но лесник, взяв парабеллум за ствол, подал его через плечо Толкунову. Он оказался честным, этот пожилой уже человек в льняной сорочке, хотя капитан ни на секунду не чувствовал угрызений совести за недоверие к нему, просто не было времени на раздумья – отстранил лесника и приставил пистолет к груди спящего парня. Увидел, как тот раскрыл глаза, машинально потянулся за своим оружием – во взгляде его сверкнула решимость, – напрягся, готовясь броситься на Толкунова. Но тот сильно нажал дулом пистолета на его грудь и приказал:

– Спокойно! Пуля не дура, усек?

Диверсант скривился и откинулся на рядно.

– Что вам от меня нужно? – спросил с испугом.

– Ну не прикидывайся, – с издевкой сказал Толкунов. – У тебя все уже позади... – Услыхал на лестнице легкие шаги Бобренка, не оглядываясь, добавил: – Посмотри, Игорь, какого красавчика взяли. Хотел обвести нас вокруг пальца.

Видно, только сейчас, услышав это страшное для него слово, парень окончательно сообразил, что случилось: губы у него задрожали, лицо перекошилось. Бобренок ждал, что он сей-

час заплачет, но диверсант только сжал зубы, закрыл глаза, пошевелил запекшимися губами и прошептал:

– Что же не стреляете?

– Э-э, так не делается! – Толкунов посуровел: – А ну, поднимайся!

Парень раскрыл глаза и покорно встал на колени – Толкунов быстро связал ему руки за спиной.

– Давай двигайся, – подтолкнул его капитан.

Он первым шагнул к люку и спустился с чердака, за ним полез агент – неловко, чуть не упал, и Толкунов поддержал его. Бобренок прихватил гимнастерку с лейтенантскими погонами, рюкзак, валявшийся в сене, и пропустил впереди себя лесника.

Старая женщина стояла внизу и со страхом смотрела на них.

– Что ж будет? Что ж будет?.. – Она едва шевелила губами, а руки нервно перебирали кромку фартука.

– А ничего особенного, – ответил Толкунов. – Отвезем куда надо, там его допросят...

– Степа! – вырвалось у женщины. – Что же ты натворил?

Толкунов подтолкнул диверсанта к выходу:

– Вперед!

Тот, покорно опустив голову, вышел во двор. Бобренок быстро перебрал вещи в его рюкзаке. Ничего особенного: хлеб, консервы, пистолетные обоймы, белье. И деньги – три толстые пачки.

Майор тщательно обыскал агента. В заднем кармане галифе нашел два запасных комплекта документов, выписанных на два лица: на лейтенантов Иванцова и Семенишина. У диверсанта было две легенды. Согласно первой он являлся представителем запасного полка, командированным для размещения склада особой части. По другой версии должен был изображать представителя штаба фронта, уполномоченного проверять санитарное состояние воинских частей.

– Ну что ж, лейтенант Иванцов, будем разговаривать? – спросил майор не без иронии. – Или будем играть в молчанку?

Агент смотрел тупо, словно ничего не понимал, и только левое веко у него подрагивало.

– Ты, Степа, расскажи все, – подошла к нему старуха. Заглянула в глаза, но тот будто не видел ее. – Ты расскажи, может, и прощение выйдет.

– Какое там прощение... – чуть не заплакал юноша. – Конiec мне, тетя! Простите, что и вас подвел.

Капитан подошел к нему почти вплотную:

– Отвечай быстро и правдиво – это единственное твое спасение. А вы, тетенька, идите в дом.

Парень судорожно глотнул слюну, опустил голову и произнес:

– Я скажу... Я все скажу!

– Фамилия?

– Олексюк.

– Имя?

– Степан.

– Сколько вас было?

– Трое.

– Где остальные?

– Мы договорились через два дня встретиться на базаре в Ковеле.

– Какое было задание?

– Знал только старший.

– Кто он?

– Мы все из разведшколы... – Олексюк назвал место, где действительно дислоцировалась школа немецких диверсантов.

– Фамилии двух других?

– В школе их звали Вячеславом Харитоновым и Григорием Власюком.

– В нашей форме?

– Да, Харитонов – старший лейтенант, Власюк – как и я.

– Документы у них на чьи фамилии?

– Старший – Горохов, а Власюк – Васильченко.

– Еще раз подумай, для тебя это очень важно: какое было задание?

– Честно говорю: только Харитонов...

– Опиши его внешность.

– Ну, среднего роста, как и я. Метр шестьдесят восемь или семьдесят. Остроносый, чернявый...

– Власюк – радист?

– Да.

– Опиши его.

– Лысоватый, спереди у него залысины. Средний он – ни черный, ни белый.

– Кто провожал на задание?

– Лейтенант Кнаппе.

Это было похоже на правду – фамилия лейтенанта Кнаппе фигурировала и раньше, когда забрасывали диверсантов на нашу сторону.

– Откуда родом? Из Жашковичей?

Олексюк покачал головой:

– Из Квасова. Пятнадцать верст отсюда.

– И тебя забросили сюда как местного?

– Наверно, так.

– Ты приземлился вчера, закопал парашют в овраге, потом встретился с двумя другими?

– Они сами меня нашли.

– И бросили на произвол.

– Сказали, что встретимся на базаре в Ковеле через два дня, если оклемаюсь.

– Они знают, где ты?

– Да.

– А где они?

– Не сказали.

Все стало ясно: агент с поврежденной ногой выбыл из игры, возможно, старший списал его совсем, однако Олексюк местный, знает, судя по всему, здешние леса как свои пять пальцев, вероятно, его выбрали специально для выполнения именно этого задания, а тогда...

Капитан обернулся к Бобренку, который стоял рядом и следил за реакцией агента. Они отошли в сторону.

– Что предлагаешь? – спросил Толкунов.

– Нужно доставить к Карему, там допросим еще раз.

– Пустим на базар?

– Я – за.

– И я. Он никуда не денется...

– Если те двое придут...

Толкунов развел руками. Здесь никто ничего не может гарантировать, все зависит от опыта и интуиции двух других агентов. Им, конечно, нужен человек, хорошо знающий здешние леса, – могут и рискнуть. Но теперь все равно рано или поздно их задержат. Правда, наверное, как и этот, имеют еще по комплекту документов, однако известны их приметы, если Олексюк

не соврал. Впрочем, вряд ли соврал, какой ему смысл? Необходимо скорее поставить в известность Карего. Рация в «виллисе», а Виктор остановился в километре-полутора отсюда.

– Я к машине, – бросил на ходу Толкунов.

Глава 7

Корова жевала жвачку в сарае, пахло навозом. Юрка, выросшего в городе, раздражал этот острый запах. Он метался на сене и не мог уснуть. Сотник Муха недовольно проворчал:

– Вертишься, как муха в кипятке.

Видно, забыл, что сам зовется Мухой. Юрко тихо засмеялся, сотник сообразил отчего и недовольно засопел.

– А вам в кипятке не хочется, друг сотник? – ехидно спросил Юрко.

– Ты, Гимназист, не забывай, с кем разговариваешь!

– С большим паном.

– Пан не пан, а только раз стукну – и конец тебе...

– Не имеете права, друг сотник.

– Это почему же? Я здесь все права имею.

– Без меня не справитесь.

Юрку спорить с Мухой не хотелось, повернулся на бок, пожелал сотнику приятного сна, но на того, вероятно, напала бессонница – сел на сене, опершись спиной на стенку сарая, где расположились на ночлег.

– Придет время, мы сделаем тебя профессором, Гимназист, – говорил сотник, – и будешь учить наших детей настоящей науке. Что двадцать моргов – тьфу, извините, это только для разгона, а мы возьмем такой разгон!..

Юрко успел подумать сквозь дрему, что Мухе аппетита действительно не занимать и что пристал он к бандеровцам только ради увеличения количества своих моргов, как вдруг раздался одинокий выстрел, и сразу же четкая автоматная очередь ответила ему.

Юрко испуганно вскочил, но сотник остановил его, положив твердую и крепкую руку на плечо. На сене зашевелились хлопцы, не соображая спросонья, что случилось, но Муха уже понял все и приказал властно:

– По одному! За сарай, скорее! Микола и Федор, в сад, помогите Ивану и прикрывайте нас! Отходим к лесу, потом вдоль речки к Квасову...

Сотник подтолкнул Юрка к выходу и выскользнул следом за ним из сарая. Его решительный тон и четкие команды вселяли уверенность – двое шмыгнули в сад, за которым завязалась жаркая стрельба, остальные бесшумно, как тени, подались за сарай: там начинались огороды, за ними луга перед небольшой лесной речкой, а дальше уже тянулись спасительные леса.

Все же у Мухи был особый нюх – он сразу оценил ситуацию и, чтобы не рисковать, послал вперед двух хлопцев. Те обошли огороды и спустились к реке, чуть не дошли до нее, как их встретили огнем. Муха с Юрком, которые двигались метрах в пятидесяти, залегли.

– Окружили... – выдохнул Юрку в ухо сотник. – Окружили хутор, кто-то выдал нас энкавэдэшникам, будет жарко.

У Юрка сердце ушло в пятки: сейчас их или перебьют всех, или возьмут живыми. Нет, он не хочет сдаваться, не хочет позора и допросов, у него автомат с двумя запасными рожками, и пусть только попробуют взять его!

– А если пробиться? – спросил у сотника.

– Скажешь тоже, пробиться... – процедил тот презрительно. – Энкавэдэшники если окружат – это конец. Лежи здесь и жди, главное, чтобы никто тебя не заметил...

Юрко не успел ответить – Муха подался вправо, там сразу же заговорили автоматы, очереди постепенно отдалялись. Юрко подумал, что сотник забыл про него или обманул, как вдруг услышал быстрые шаги: Муха, тяжело дыша, упал рядом с ним на землю.

– Давай, – приказал, – там немного дальше заросли, они могут выручить нас! Хлопцы пошли на прорыв, – махнул рукой в сторону стрельбы, – вряд ли прорвутся, но оттянули туда всех энкавэдэшников. Мы же попробуем здесь...

Муха, пригнувшись, побежал в кусты, от которых тянулась небольшая балка, скорее старая канава. Сотник шагал по ее дну бесшумно, и Юрко старался ступать за ним след в след. Возле самой речки, под кустом, мелькнула тень.

– Кто? – послышался встревоженный голос.

Сотник не ответил, его шмайсер сыпанул огнем, тень исчезла. Муха бросился вперед – речка здесь приходилась им по грудь, – перебрались благополучно и наконец выскочили на пожарище – обгоревшие пни тут уже обросли кустами. Они прыгнули в заросли, сотник, ловко ориентируясь в темноте, продвигался к лесу. И Юрко не отставал ни на шаг.

Видно, преследователи поняли свою ошибку, некоторые из них бросились в погоню, и пули засвистели над головой Юрка. Но через несколько шагов начинался лес, и сотник проворчал злорадно:

– Не на того напали, господа, Муху так просто не взять, Муха еще рассчитается с вами, потому что Муха ничего и никогда не забывает...

– А как же остальные хлопцы? – вырвалось у Юрка.

– Ты вышел? – коротко спросил сотник. – Ты вышел и молчи, нам сегодня сам бог помог.

Лес обступил их, густой и таинственный, сотник остановился на минуту, вытер рукавом потное лицо.

– Ну, не только бог, – засмеялся приглушенно, – хорошо, что я вечером на ту канаву глаз положил – никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь...

Юрко подумал, что выбраться им удалось не только благодаря зоркому глазу сотника – десять хлопцев полегли, прикрывая отступление, вон еще автоматы не смолкли.

Муха двинулся по опушке, не углубляясь в чашу.

– Так лучше, – объяснил, – тут заросли, и нас голыми руками не возьмешь.

– Но ведь, – заколебался Юрко, – вы говорили, что где-то здесь соберемся. А уже потом Квасово...

– Ты, парень, о себе думай, – оборвал его сотник сурово. – Тот, кто выйдет, тоже о себе будет думать. До Квасова каждый дорогу знает.

Они прошли еще с километр или немного больше. Автоматная трескотня уже не доносилась до них. Муха остановился и сказал с сожалением:

– Рюкзак остался на хуторе. Хороший рюкзак, сало там было и несколько колец колбасы. Хозяин с прибылью остался, если энкавэдэшники не заберут. – Вдруг плюнул себе под ноги: – Сволочь он, а не хозяин, оборванец проклятый, и когда только успел донести?

– Считаете, нас окружили, потому что хозяин...

– Как дважды два четыре.

Юрко вспомнил хозяина лесного хутора: в полотняной сорочке, босого и какого-то изголодавшегося, наверное, сам обнищал на лесном песке, а тут навалились из леса: давай картошку, молоко, сало, две курицы были и тех зарезали – каждый хочет сытно и вкусно поужинать, плевать ему на нищего хозяина.

А тот послал мальчишку в село – сынок у него вертелся на хуторе, шустрый мальчуган, лет десяти, а там телефон, и энкавэдэшники на машинах примчались...

– Я того хлопа не забуду... – погрозил кулаком Муха, и Юрко понял: впрямь не забудет – сотник слов на ветер не бросает, отомстит и хозяину, и мальчику.

Однако эта мысль почему-то не утешила Юрка: перед глазами стоял мужчина в грязноватой полотняной сорочке с умными глазами – маленькая частица его народа, которому они вроде бы несут освобождение и который почему-то не принимает их...

Почему?

Очевидно, хозяин с его узловатыми от работы руками знает, что Муха не отдаст ему ни одного из своих двадцати моргов, наоборот, приберет к рукам и его песчаный морг – так кто же тогда друг, а кто враг?

Юрко так и не разрешил для себя этот вопрос, продирался за Мухой по кустам, и ветви больно стегали его по лицу.

Глава 8

Черный «опель-адмирал» быстро мчался по шоссе, и резина повизгивала на поворотах. Ипполитов сидел на заднем сиденье, рядом с ним развалился его новый учитель штурмбаннфюрер СС Краусс. Ипполитову тоже хотелось свободно откинуться на спинку сиденья и небрежно вытянуть ноги, но он сидел напряженно, смотрел в окно, следя за дорогой. От Берлина уже отъехали километров двадцать, машина вдруг сбавила скорость и свернула на боковую дорогу: такая же асфальтированная лента, но уже, и лес ближе подступает к ней.

Ипполитов не знал, куда они едут. Общительный Краусс охотно рассказывал о девушках и ресторанах, в этом он собаку съел, в лучших берлинских заведениях его знали как облупленного. Но Краусс замыкался в себе, когда речь касалась дела. Понимал: чем меньше будет знать пока Ипполитов о характере задания, тем лучше, секрет перестает быть секретом, если о нем знают больше трех человек. А если еще и женщина...

Женщин Краусс не обходил вниманием, считал себя одним из знатоков и почитателей прекрасной половины рода человеческого, но все его девушки почему-то были похожи одна на другую.

– Чем больше имеет девушка, – любил шутить Краусс, – тем лучше. Кому хочется обнимать кости?

В душе Ипполитов разделял пристрастия шефа, ему тоже нравились девушки в теле.

В Берлине, когда встал вопрос о так называемой «подруге жизни» для него, ему показали некую Лиду Сулову. Они даже успели немного поговорить без свидетелей. Но, главное, чем поразила его Сулова, – она отлично стреляла. Из любых положений. Из любого оружия. На вопрос, как оказалась здесь, ответила коротко:

– Я ненавижу большевиков, они отняли у меня всё...

Сулова ему понравилась. Он любил людей, умеющих постоять за себя...

За эти дни Ипполитов и сам поверил в свою исключительность, абсолютно не сомневался, что все так и останется навсегда. Немцы – нация практичная, напрасно ничего не делают и ничего не дают. Роскошный «опель-адмирал» с кожаными сиденьями и шикарные красотки – только задаток, скоро он станет одним из героев рейха, а героев следует уважать и заботиться о них.

Правда, где-то в глубине души затаился червячок, постоянно напоминая о себе, как бы Ипполитов ни глушил его водкой. Твердо знал: одно дело ершиться здесь и совсем другое – там, за линией фронта. Но надеялся на счастливый случай, на свои способности, на стечение обстоятельств, черт его знает на что, на бога или дьявола, на обоих вместе – старался не думать об этом и жить сегодняшним днем.

Лес расступился, и дорогу преградил шлагбаум. Мрачный унтерштурмфюрер проверил документы. За шлагбаумом тянулся высокий бетонный забор с колючей проволокой сверху, вот раскрылись железные ворота, и «опель-адмирал» въехал на территорию. Сразу за воротами начиналось длинное серое здание – по существу, каменный барак с узкими зарешеченными окнами. Ипполитов не спеша вышел из машины. Старался подражать Крауссу и делать все солидно и неторопливо как человек, знающий себе цену и требующий уважения к себе от окружающих его людей.

Майор в форме технических войск приветствовал их.

Из коридора лестница вела круто вниз в просторное подвальное помещение. Майор с Крауссом пропустили вперед Ипполитова, тот воспринял это как должное, спускался, гордо выпятив грудь. Когда он ступил наконец на последнюю ступеньку, внезапно на него набросились молодчики, одетые в форму офицеров Красной армии.

Ипполитов растерялся лишь на мгновение. В австрийской школе разведчиков их обучили различным приемам защиты – подставил ногу одному и нанес удар другому, однако, почувствовав страшную боль в заломленной назад руке, сник и неловко упал на цементный пол, чуть не ободрав щеку.

Но почему здесь, под Берлином, офицеры Красной армии?

А они держали его крепко, вывернув руки и прижав голову к холодному цементу. Ипполитов с трудом повернул голову и увидел совсем рядом, буквально в нескольких сантиметрах, блестящий сапог штурмбаннфюрера. Ему даже показалось, что тот уже приготовился к удару и расквасит ему сейчас лицо. Он закрыл глаза от страха, но его подняли, поставили на ноги и отпустили.

Краусс, увидев растерянное лицо Ипполитова, рассмеялся:

– Не волнуйтесь, это наши специалисты, они проверяли вашу реакцию.

Ипполитов, чтобы скрыть негодование, наклонился и небрежно отряхнул колени.

Штурмбаннфюрер махнул рукою, и специалисты исчезли.

– Реакция у вас есть, – похвалил Краусс, – но технику еще надо шлифовать.

– Нас в Австрии учили...

– Как рядового агента, а вы должны стать асом.

– Но так неожиданно...

– К этому вы должны быть готовы. Не стыдитесь, брали вас лучшие специалисты рейха, у них и пройдете дальнейший курс. А сейчас прошу... – Краусс открыл тяжелые металлические двери, и они вошли в тир, в конце которого чернели освещенные лампами дневного света мишени.

Штурмбаннфюрер выбрал элегантный никелированный вальтер, любовно подержал его на ладони, подбросил и поймал ловко: видно, любил оружие и умел пользоваться им.

– Безотказная штука, – сказал он так, будто Ипполитов впервые в жизни видел такой пистолет, – давайте попробуем.

Мишени появлялись и исчезали с интервалами и в разных местах. Ипполитов бил по ним с удовольствием, представляя, что стреляет в переодетых молодчиков, так унизивших его. Сменил обойму и опять стал стрелять, а Краусс и майор внимательно следили за ним.

– Хватит, – наконец остановил его штурмбаннфюрер, – хватит, потому что патроны нужны рейху на фронте... – Довольный шуткой, рассмеялся первый весело и громко, но сразу оборвал смех и поинтересовался у майора: – Ну как?

– Девять из десяти, – сообщил тот. – Должно быть десять из десяти.

– Хотите сделать из меня снайпера? – Ипполитов всегда гордился своим умением стрелять и считал, что девять из десяти мишеней – весьма неплохой результат.

Штурмбаннфюрер заметил его неудовольствие.

– Ганс, покажите ему, как стреляют офицеры рейха.

Майор вынул свой вальтер, подумал немного, вложил обратно в кобуру и взял пистолет Ипполитова. Сейчас мишени исчезали вдвое быстрее, однако майор поразил все десять. Отстрелявшись, вернул вальтер Ипполитову.

– Я сам выбрал для вас оружие, – пояснил, – берегите его, в нем все выверено.

Ипполитов не удержался от вопросительного взгляда на Краусса, тот кивнул утвердительно, и Ипполитов спрятал вальтер в карман, не без удовольствия поняв, что ему доверяют целиком и, может быть, даже приняли в свою компанию. Это сразу подогрело его воображение. Пистолет приятно оттягивал карман, придавал уверенность. Ипполитов неожиданно остановил Краусса, двинувшегося к двери, и произнес твердо, будто приказал:

– Давайте еще... и быстрее.

Увидел довольную улыбку на лице майора – сейчас пистолет его работал, кажется, как автомат. Ипполитов стрелял зло и неистово, да и рука не дрожала – считал, что все пули ложатся в цель. Но майор опять констатировал почти безразлично:

– Девять из десяти.

Ипполитов вставил новую обойму в пистолет, но Краусс успокаивающе взял его за локоть.

– Результат вполне приличный, – похвалил, – на сегодня хватит. Ганс займется шлифовкой вашего мастерства. – Штурмбаннфюрер направился к двери не оглядываясь – он был здесь начальством и принимал решения самостоятельно. Ипполитов понял это, и чувство превосходства сразу оставило его. Но все в конце концов логично, все идет как надо, он и в самом деле пока ученик, а вот когда вернется оттуда...

Они вошли в зал, похожий на тир, только в конце его стояли не мишени, а довольно-таки большая стальная плита, пробитая, очевидно, снарядами. Ипполитов удивленно огляделся, но орудия не было, да и какое орудие может быть в помещении, это же тебе не полигон, а подземный тир.

Майор повел их к столу, на котором лежала странная металлическая труба с ремнями, проводами и кнопочным выключателем. Он взял трубу почти торжественно, как берут очень дорогую вещь, взвесил на ладони и произнес тоном докладчика, который сделал очень важное открытие и гордился им:

– Новое оружие, господа, называется оно «панцеркнакке». Эта труба диаметром шестьдесят миллиметров кожаными ремнями крепится к правой руке. Видели плиту, – кивнул в конец тира, – так вот, господа, снаряд, выпущенный из «панцеркнакке», прожигает почти пятисантиметровую броню, как раскаленный штырь кусок масла. Стреляют из «панцеркнакке» реактивными снарядами кумулятивного действия. У снаряда довольно большая дальность полета. Выстрел бесшумный. Представляете, господа! Бесшумный выстрел из рукава пальто снарядом такой огромной силы!

Ипполитов заулыбался от неожиданности и удивления, с благоговением подошел к столу, потрогал ничем не примечательную внешне трубу, похожие на бутылочки снаряды.

– Оберштурмбаннфюрер Грегфе говорил мне об этом оружии, – сказал он взволнованно. – Это для меня?

– Рейх вручает вам свое самое лучшее оружие, – ответил майор высокопарно.

– Можно попробовать? – спросил.

Майор переглянулся с Крауссом. Видно, нетерпение Ипполитова понравилось им.

Майор прочно прикрепил трубу к руке, осторожно заложил снаряд и вывел выключатель в левый карман пиджака Ипполитова. Тот отошел к стене, медленно поднял правую руку, словно хотел выкрикнуть нацистское приветствие, прицелился и нажал кнопку. Правую руку рвануло, но Ипполитов удержался на ногах. В конце зала раздался взрыв, в лицо ударила горячая воздушная волна – майор с Крауссом направились к плите, а он все еще стоял неподвижно, глядя на новую дыру в броне – дыру, только что пробитую им, Ипполитовым, из оружия, которого еще не видел мир.

Затем его поздравляли, майор даже пожал ему руку, а перед глазами у Ипполитова все стояла дымящаяся дыра в плите, и ноздри жадно вдыхали запах пороха и обожженной стали.

Глава 9

Полковник Карий потер подбородок ладонью, с отвращением почувствовав жесткость щетины. Совсем завертелся, не было времени и побриться.

Два часа ночи, пора спать. Полковник сочувственно посмотрел на усталые лица майора Бобренка и капитана Толкунова, произнес тоном, не допускающим возражения:

– Итак, договорились. В семь вокруг базара будут расставлены посты, мы возьмем его в кольцо, и в случае чего помощь вам всегда обеспечена. Олексюка доставим в переулок за школой, откуда он пойдет сам.

Полковник придирчиво посмотрел на капитана. Видно, осмотр удовлетворил его: поношенная гимнастерка придавала Толкунову вид ротного запасного полка. Но полковник все же заметил:

– Очень прошу, капитан, к Олексюку близко не подходите. Держитесь подальше, ближе будет майор в штатском, а впрочем, мы обо всем уже, кажется, договорились. Идите, можете четыре часа поспать, даже больше... – Он не уточнил сколько (да и кто считает часы отдыха розыскников – не ложись хоть неделю, а шпиона задержи). – Я полагаюсь на вас, – закончил полковник, провожая офицеров до дверей.

В глубине души Бобренок не верил, что агенты станут искать Олексюка. Он был сброшен, очевидно, для подстраховки, старший группы мог обойтись и без него, а в таких случаях не рискуют – зачем им без крайней нужды толкаться на базаре?

Но все могло случиться, и розыскники не имели права не использовать этот шанс.

Базар расположился на большой площади с деревянными палатками. В стороне стояло несколько возов, запряженных клячами; бабки возле них продавали кур, просили за них бог знает сколько, горожанки только шупали кур, раздували перья, стараясь хоть посмотреть на желтый куриный жир.

Олексюк, как и договорились, прошел мимо возов и углубился в гущу базарной толпы, где торговали с рук разным барахлом – от старой, латаной и перелатанной одежды и до совсем новых, но старомодных драповых пальто и узких, в полоску, брюк.

Моряк, неизвестно как попавший в этот полесский городок, подметал пыль с мостовой широченными клешами. Наконец он нашел, что искал: вдоль палаток протянулись деревянные столы, на которых ковельские бабки выставили кастрюли с разной снедью – предлагали здесь и вкусный украинский борщ, и горячее жаркое с картошкой, и даже вареники с сыром.

Моряк, подумав немного, сдвинул бескозырку на затылок и решительно направился к огромной кастрюле с борщом. Его можно было понять – даже до Бобренка долетал аппетитный запах борща. Утренние бутерброды показались майору сейчас такими жалкими и невкусными, что чуть было не поддался искушению, но не имел права отвлекаться на что-либо постороннее и только краем глаза наблюдал, как морячок уминает борщ из большой миски.

Олексюк шел, чуть прихрамывая, плечами раздвигал толпу – немного усталый пехотный лейтенант, возвращающийся из госпиталя в свою часть, и, бесспорно, ни у кого и мысли не могло возникнуть, что этот серый и ничем не приметный человек учился в шпионско-диверсионной школе, отлично владеет оружием и может дать отпор даже вон тому высокому, на полголовы возвышавшемуся над базарной толпой горлопану, который накинуд на плечи женскую сорочку, а в руках держал несколько кусков хозяйственного мыла.

Горлопан громко расхваливал свой товар. Бобренок подумал, что при других обстоятельствах он обязательно проверил бы у него документы, но неожиданно обнаружил, что у парня пустой левый рукав, и не осудил его.

В конце рынка Бобренок увидел военную фуражку и сразу насторожился. Фуражка медленно продвигалась к Олексюку. Майор не мог видеть лица военного и погоны, но, судя по описанию агента, тот мог быть старшим группы Гороховым – кажется, чернявый, точно, чернявый, вот затылок виден, почти цыган.

Цыган разминутся с Олексюком, не останавливаясь, но Бобренок мог дать голову на отсечение, что они заметили друг друга, возможно, обменялись взглядами, может, Олексюк подал Цыгану какой-нибудь условный знак, они могли договориться: если что-то не так, нахмуриться, держать правую руку в кармане, дотронуться до носа, закусить губу – разве мало можно придумать условных знаков?

А Цыган явно похож на Горохова...

Олексюк дошел до конца базара, выпил воды у верткого парнишки, который торговал ею прямо из ведра: набирал в колодце за сотню метров от базара.

Бобренок заметил, как резко повернулся Толкунов. Майор проследил за взглядом товарища и увидел двух военных, приближавшихся к базару. Заборчик был низенький и редкий, и Бобренок хорошо видел, как те переходили улицу. Шли они тяжело, устало, первый – с мешком за плечом. Жаль, отсюда нельзя было рассмотреть звездочки на погонах, да и что звездочки, их могли снять или добавить, главное – документы, а то, что вражеские агенты снабжены запасным комплектом документов, не вызывало у майора сомнения.

Офицеры остановились возле того же шустрого мальчишки попить воды. Теперь Бобренок стоял от них в трех шагах: наверное, не агенты, чернявого среди них нет. Один совсем лысый, а у второго из-под мокрой от пота пилотки выбивались светлые волосы. У первого лоб высокий, лицо скуластое, глаза узкие, казах не казах, а что-то восточное было в его глазах. А блондин – типичный флегматик, мешок снял осторожно, поставил у ног, воду пьет маленькими глоточками. Внешне неповоротливый, угловатый. Поднял мешок, но не забросил за плечо, повесил на руку, а мешок, видно, тяжелый. Интересно, что в нем?

Толкунов прошел мимо офицеров, они козырнули ему – оба старшие лейтенанты: узкоглазый исполнил этот ритуал старательно, по уставу, и это насторожило Бобренка – чего вытягивается, да еще на базаре.

Краем глаза майор наблюдал за Олексюком. Тот стоял спиной к старшим лейтенантам; вдруг высокий, с мешком, направился прямо к Олексюку, подошел к нему почти вплотную, показалось, даже толкнул, но не остановился и не сказал ни слова, прошел мимо – к человеку, продававшему мыло. Они быстро сторговались, старший лейтенант вернулся к товарищу – положили мыло в мешок и пошли к выходу.

Бобренок видел, как их остановил патруль, но старшие лейтенанты уже не интересовали его: ясно видел, что блондин не общался с Олексюком.

Агент стоял теперь в самом центре базара, где торговали ношенными вещами. Рядом с ним инвалид на костылях продавал шляпу, обыкновенную черную шляпу с широкими полями. Надел ее на стриженую голову, чуть набок, наверное, считал, что это делает его элегантным, и выкрикивал громко:

– Кому довоенную шляпу? Дешево отдам! Кто хочет понравиться хорошеньким девушкам? Налетай!

Но никто не обращал внимания на призывы инвалида.

Олексюк все ходил по базару, наверняка ему уже опротивела толкотня и суeta, несколько раз вопросительно взглядывал на майора, но тот качал головой: до десяти часов – а Горохов приказал Олексюку шататься по базару как раз с восьми до десяти – оставалось еще пятнадцать минут, и все могло еще случиться. Но не случилось. В десять Бобренок подал знак Олексюку, что можно уходить.

Сейчас агент не очень интересовал Бобренка – им займутся и доставят в комендатуру, – майор же должен был позвонить Карему.

Полковник сразу взял трубку, внимательно выслушал сообщение Бобренка и сказал коротко:

– Так я и знал. Они не придут. Четыре часа назад из леса вблизи Маневичей вышла в эфир неизвестная рация. Немедленно возвращайтесь.

«Виллис» стоял за углом. Толкунов уже сидел в нем – хмурый и недовольный, читал наравоучения Виктору, но тот уже привык к нотациям капитана, пропускал их мимо ушей, ироническая улыбка застыла на его губах.

Узнав новости, Толкунов на минуту задумался.

– Они решили обойтись без Олексюка, – констатировал уверенно. – Пересидели где-нибудь в лесу или в деревне, сейчас связались с «Цеппелином» – дали знать, что приступают к выполнению задания.

– Ладно, – вздохнул Бобренок, – поехали к полковнику Карему.

У Карего уже сидело человек десять: розыскники и другие работники контрразведки – все, кто должен был принять участие в задержании вражеских агентов. Полковник хмурился – только что разговаривал с Рубцовым, генерал торопил его, правда, обещал прислать из фронтового резерва несколько розыскников. Но что значат четыре или пять человек?

Карий раздвинул шторки на карте, показал, откуда вышла в эфир рация. Места глухие, болота, одинокие лесные хутора, тут сам черт ногу сломит. Однако километрах в пяти от ориентировочного местопребывания радиста пролегла довольно оживленная дорога, и выходила она на шоссе, ведущее в Луцк.

– Вряд ли диверсанты остались в лесу, – говорил Карий спокойно, кажется, не волновался вовсе, но Бобренок, хорошо знавший полковника, представлял, какие чувства бушевали сейчас в его душе. – Знают или не знают, что мы взяли Олексюка, но догадываются, что рацию-то мы запеленговали. Возможно, оставили ее в тайнике, а сами вышли на дорогу. И, может быть, именно в эти минуты двигаются по ней. Здесь у них есть выбор: можно и в Маневичи, и в Луцк, и в Сарны. Вполне возможно, что отлеживаются где-нибудь на хуторе, а может, у бандеровцев. Во всяком случае, мы должны взять под контроль все выходы из леса...

Полковник поставил перед розыскниками конкретные задачи.

Бобренок догадывался, что заподозренный им на базаре чернявый офицер не имеет никакого отношения к вражеской агентуре. И все же спросил о нем.

– Все в порядке, – успокоил его полковник. – Старший лейтенант Удальцов, его личность мы установили сразу, интендант запасного полка.

Через час они прибыли в назначенное место. На разбитое шоссе, ведущее в Луцк, сюда выходила мощеная дорога из довольно большого села Микулинцы. Село лежало километрах в десяти, дорога из него огибала лес – примерно из этого района выходила в эфир неизвестная рация.

Толкунов стоял под развесистым дубом, а Бобренок растянулся на траве, упершись локтями в землю и подперев подбородок. Слушал лес, и ничто подозрительное не осталось бы без его внимания. Слух имел острейший, вообще-то из них с Толкуновым вышла неплохая пара, капитан видел за километр и дальше, как в полевой бинокль, а Бобренок чуть ли не за километр слышал в лесу шаги человека.

Резко затрещала сорока. Сороку надо слушать, сорока всегда предупредит тебя или выдаст, но птица так же резко оборвала свой крик, как и начала. Совсем близко застучал дятел. Бобренок поднял глаза и увидел его – красивый, хлопотливый лесной трудяга.

Тихо, только шелестят листья дуба да стрекочут кузнечики.

Сорока снова затрещала тревожно, и Бобренок услышал какой-то звук на мощеной дороге. Прислушался и встал: к перекрестку приближался воз, запряженный лошадыо.

– Что? – сразу насторожился Толкунов.

– Кто-то едет.

Бобренко снял с плеча автомат, а капитан, предпочитавший обходиться пистолетом, нащупал оружие в кармане.

Сейчас и Толкунов услышал скрип колес. Воз ехал медленно, и лошадь ступала устало, вот она показалась между кустов – да и как не устать: старая кляча со сбитыми копытами. Мужчина шел рядом с возом тяжело, как и лошадь, и были они оба будто из прошлого века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.